

ЕФИМ
ЧЕРНЯК

ПЯТЬ СТОЛЕТИЙ ТАЙНОЙ ВОЙНЫ

БОРЬБА
РАЗВЕДОК В КРУПНЫХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
СОБЫТИЯХ ПРОШЛОГО

Ефим Черняк

Пять столетий тайной войны

«Центрполиграф»

2018

УДК 355.40
ББК 67.401.212

Черняк Е. Б.

Пять столетий тайной войны / Е. Б. Черняк — «Центрполиграф»,
2018

ISBN 978-5-227-07520-8

Е. Б. Черняк – историк-англовед, доктор исторических наук, профессор. Материалом для этого издания ему послужили многочисленные источники и специальные разнообразные исследования. История тайной войны лишь недавно стала привлекать внимание серьезных исследователей, она еще полна загадок и белых пятен. Цель этой книги – рассказать о той роли, которую сыграла борьба разведок в крупных политических событиях прошлого, о наиболее драматических эпизодах тайной войны. Нередко это эпизоды с такой сложной и захватывающей фабулой, что они могут быть смело поставлены в ряд с интригой лучших приключенческих романов.

УДК 355.40
ББК 67.401.212

ISBN 978-5-227-07520-8

© Черняк Е. Б., 2018
© Центрполиграф, 2018

Содержание

Предисловие	6
От сотворения мира	8
Рассказывают средневековые хроники	13
Ренессанс разведки	17
Теплая «Компания Иисуса»	19
Разведка и реформация	22
Фламандец бани и великомученики	30
Ищейки Уолсингема	38
Кинжал убийцы	46
«Английское дело» сынов Лойолы	52
Заговор бабингтона	54
Тайны Мадридского двора	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Ефим Черняк

Пять столетий тайной войны

© Е. Б. Черняк, наследники, 2018

© «Центрполиграф», 2018

* * *

Предисловие

История тайной войны лишь недавно стала привлекать внимание серьезных исследователей, она еще полна загадок и белых пятен. Попытки же некоторых западных авторов выискивать различия между «благородной разведкой» и «низменным шпионажем» не вносят ясности в суть дела. Куда большее значение имеет разграничение, хотя и весьма условное, между разведкой – получением секретной политической, военной и другой информации (а также контрразведкой – борьбой с неприятельскими агентами) – и тайной войной, под которой подразумевают различные виды подрывных действий, вплоть до провоцирования мятежей и организации государственных переворотов. Большую роль здесь обычно играла секретная дипломатия, которую следует отличать от официальной дипломатии, хотя и она была в определенном смысле секретной: феодально-абсолютистские и буржуазные правительства, как правило, не предавали гласности содержание своих переговоров с иностранными державами. Вместе с тем официальная дипломатия также участвовала в тайной войне наряду с учреждениями (по-разному называвшимися), само существование или реальное назначение которых всегда официально отрицалось создавшими их властями.

Наша книга менее всего претендует на то, чтобы стать систематической «всеобщей» историей разведки и секретной дипломатии, историей тайной войны. Для создания подобного труда потребуются совместные усилия ученых многих стран (причем не только историков), получение доступа к закрытым архивам. Автор не ставил также задачу изложить историю какого-либо разведывательного учреждения или ведомства – не стоит повторять ошибку, нередко делающуюся в научной литературе и сводящуюся к тому, что отсутствие особой организации, занимающейся – каким бы ни было ее название – исключительно шпионажем и контршпионажем, выдавалось за неимение у данной страны разведки вообще. Между тем нет ничего ошибочнее подобного вывода. Правительства далеко не сразу пришли к мысли о целесообразности наделения разведывательными функциями организации, созданной именно для этой цели. Как правило, вначале этим поручалось заниматься различным ведомствам, причем иногда несколькими сразу. Разведывательные обязанности этих учреждений часто переплетались. Вдобавок то или иное ведомство могло заниматься отнюдь не тем видом шпионажа, который соответствовал бы основным обязанностям этого учреждения. Ведомство иностранных дел наряду с дипломатическим шпионажем могло выполнять роль военной и военно-морской разведки или контрразведки, оно нередко сознательно объединяло функции разведки, контрразведки и секретной политической полиции. Вначале это делалось из-за неразграничения этих функций, потом – чтобы отрицать самый факт существования в одних случаях секретной полиции, а в других – разведывательных организаций. Книга не содержит и специального анализа приемов, которые применялись секретными службами в различные исторические эпохи.

Цель этой книги иная – рассказать о той роли, которую сыграла борьба разведок в крупных политических событиях прошлого, о наиболее драматических эпизодах тайной войны. Нередко это эпизоды с такой сложной и захватывающей фабулой, что они могут быть смело поставлены в ряд с интригой лучших приключенческих романов.

Материал для книги извлечен из многочисленных источников и специальных исследований, столь же разнообразных, как и ее сюжеты.

Мемуары разведчиков часто содержат элемент вымысла, будь то в интересах службы или для возвеличивания собственной роли и заслуг. Легко понять, что такой характер источников открывает двери для совершенно произвольных теорий, бьющих на сенсацию гипотез. Автор стремился учитывать это и при анализе отделять историческую правду от прикрас и преувеличений.

Разумеется, не все факты, о которых будет идти речь, можно отнести к важным историческим событиям. Однако через пестрый калейдоскоп таких фактов часто проглядывают сущность и неповторимое своеобразие эпохи.

Нам почти не приходилось касаться интереснейшего прошлого русской разведки. Это тема другой, к сожалению, никем еще пока по-настоящему не написанной работы, вернее, целой серии исследований.

Наши очерки посвящены истории тайной войны в течение пяти столетий, включая начало XX в.

Настоящее издание отличается от предыдущих. В книгу внесены многочисленные дополнения, в том числе и ряд новых разделов.

От сотворения мира

Кому не известна знаменитая легенда о троянском коне? О том, как Одиссей научил греков, 10 лет безуспешно осаждавших Трою, уловке. Греки притворились, будто они сняли осаду и сели на корабли. В покинутом неприятельском лагере троянцы нашли огромного деревянного коня.

Взятый в плен греческий юноша Синоп, выполняя хитроумный план Одиссея, сообщил троянцам, что конь волшебный. По предсказанию жрецов, пока он будет находиться в Трое, она останется неприступной. Обрадованные троянцы увезли коня в город. А ночью по сигналу, поданному Синопом, греческие корабли вернулись к стенам Трои.

Воины, спрятанные в туловище деревянного коня, выбрались наружу и напали на спящих троянцев. Одновременно в город ворвалось вернувшееся на кораблях греческое войско. За ночь была достигнута цель, которую тщетно преследовали осаждавшие в течение долгих 10 лет...

Несомненно, что разведка возникла задолго до Одиссея. Следы ее использования уходят в глубь тысячелетий. Если верить той же Библии, Господь Бог приступил к организации разведки уже вскоре после того, как создал «небо и землю», а также, конечно, «человека по образу своему».

Непосредственное руководство разведкой было поручено пророкам, особенно – как рассказывается в библейской Книге Чисел (глава 13) – пророку Моисею.

«И сказал Господь Моисею, говоря: пошли от себя людей, чтобы они высмотрели землю Ханаанскую, которую Я даю сынам Израилевым; по одному человеку от колена отцов их пошлите, главных из них. И послал их Моисей из пустыни Фаран, по повелению Господню, и все они мужи главные у сынов Израилевых...

И послал их Моисей¹ высмотреть землю Ханаанскую и сказал им: пойдите в эту южную страну, и взойдите на гору, и осмотрите землю, какова она, и народ живущий на ней, силен ли он или слаб, малочислен ли он или многочислен? и какова земля, на которой он живет, хороша ли она или худа? и каковы города, в которых он живет, в шатрах ли он живет или в укреплениях? и какова земля, тучна ли она или тоща? есть ли на ней деревья или нет?..»

Но не будем продолжать изложение «указаний господних» и распоряжений Моисея, а также описывать «обозрение земли», длившееся 40 дней. Мораль, к которой подводит Библия: доброкачественная разведка принесет богатые плоды. Да, допотопные нравы к этому времени уже ушли в прошлое.

В Книге Иисуса Навина повествуется о том, как он, осаждая Иери хон, заранее заслал в город двух соглядатаев. «И пошли они и пришли в дом блудницы, имя ей Раав, и остались ночевать там». В рассказе не указывается, совмещала ли Раав ранее свое занятие с ролью хозяйки конспиративной квартиры. Однако в любом случае лазутчики Иисуса Навина отдавали себе ясный отчет, насколько эта представительница древнейшей профессии может быть полезна для разведки – ведь гостеприимное обиталище Раав было как раз домом, куда посторонние могли заглянуть, не вызывая подозрения. Тем не менее контрразведка царя Иерихона вскоре доложила о посетивших Раав незнакомцах, которые «пришли сюда ночью, чтобы высмотреть землю». Царь послал своих слуг, потребовавших от Раав выдать чужестранцев. Однако Раав заявила, что они уже ушли через городские ворота, а сама скрыла их в тростниках льна, разложенного на кровле, потом спустила на веревке через окно, потому что дом ее был в городской стене. Уходя, разведчики посоветовали Раав, чтобы она привязала к окну веревку из червленых нитей, по которой спустила их на землю. При захвате города это будет знаком для напа-

¹ Из пустыни Фарани.

дающих не трогать ни дом, ни его обитателей. Согласно Библии, Раав, объясняя разведчикам, почему она решила помочь им, сослалась на безнадежность попыток сопротивления, поскольку Господь «отдал эту землю вам» (о других мотивах наш источник умалчивает). Иисус Навин не остался неблагодарным, когда повелел: «...город будет под закланием, и все, что в нем – Господу [сил]; только Раав блудница пусть останется в живых, она и всякий, кто у нее в доме; потому что она укрыла посланных, которых мы посылали...» (глава 6).

Библия бесстрастно повествует и о конце этой истории: «И предали закланию все, что в городе, и мужей и жен, и молодых и старых, и волов, и овец, и ослов [все]? истребили мечом... А город и все, что в нем, сожгли огнем; только серебро и золото и сосуды медные и железные отдали, [чтобы внести Господу] в сокровищницу дома Господня. Раав же блудницу и дом отца ее и всех, которые у нее были, Иисус оставил в живых...» (глава 6).

Так был установлен принцип награждения тайного агента. Надо лишь добавить, что некоторые церковные авторы считают Раав в числе предков царя Давида и, главное, конечно, Иисуса Христа. Церковь причислила ее к героям веры.

А кому не известна филистимлянка Далила, история которой рассказана в библейской Книге Судей? Сделавшись любовницей богатыря Самсона, Далила развела, в чем состоит секрет его необыкновенной силы. Оказалось, что достаточно срезать ему волосы – и Самсон лишится своей богатырской мощи. Далила не только сообщила полученную «шпионскую информацию» филистимлянам, но и помогла совершить «диверсию» – остричь семь кос с головы Самсона. Ослабленный богатырь был легко побежден: ему выкололи глаза, заковали в цепи и заставили выполнять унизительные обязанности раба. Каждый филистимлянский старейшина пообещал этому раннему образчику «роковой красавицы» в случае успеха наградить ее 1100 сиклями серебра. Однако Далила слишком рано перестала шпионить за Самсоном. Волосы у него опять отросли, и он сумел жестоко отомстить своим врагам.

О действиях разведки можно узнать наряду с библейскими повествованиями также из древних надписей на камне и папирусов, излагающих историю царствования египетских фараонов.

В 1312 г. до н. э. молодой египетский фараон Рамзес II дал битву хеттам вблизи города Кадеша, в Северной Сирии. Два мнимых дезертира из хеттского войска сообщили фараону ложные сведения о неприятеле. Рамзес атаковал неприятеля и попал в окружение. С большим трудом египтянам удалось пробиться через ряды хеттов и спастись от гибели².

Несколько другое применение волосам нашел правитель Сиракуз. Желая побудить ионийцев к восстанию против персидского царя, он послал к ним своего вестника. Гонцу обрили голову, написали на ней текст обращения к ионийским грекам и дали волосам снова отрасти. Способ доставки «секретной переписки» оказался очень удачным.

Античные авторы поведали и о различных уловках, к которым прибегали для борьбы с вражескими лазутчиками. В IV в. до н. э. один афинский полководец, узнав, что в его войске скрываются неприятельские шпионы, выстроил воинов и каждому приказал подробно опросить своего соседа и доложить командиру о чужаках, пробравшихся в ряды армии.

Шпионы были выловлены.

Разведка наложила свой отпечаток на ход Греко-персидских войн (V в. до н. э.). Предатель Эфиальт провел персидское войско по тайной тропе в обход ущелья Фермопилы, которое защищали 300 спартанских воинов во главе с царем Леонидом. Спартанский отряд до единого человека погиб в неравном бою.

Отсутствие или недостатки разведки едва не погубили победоносное войско Александра Македонского. Во время похода в Индию македонцы не знали о применении индусами на поле

² «Разведчица» Далила остригла волосы – источник силы Самсона.

сражения боевых слонов. В результате только счастливое стечение обстоятельств спасло македонскую армию от поражения в битве при Гидаспе.

Стоит вспомнить, что в то же время Александр Македонский первым использовал почтовую цензуру в качестве средства разведки. В 334 г. до н. э., когда македонская армия совершала свой знаменитый поход против персидского царя Дария, среди воинов стали проявляться признаки недовольства. Александр решил установить причины и выявить главных организаторов назревавшей смуты. С этой целью он отменил введенный в начале похода запрет для воинов переписываться с родными. Через несколько дней курьеры повезли большое количество писем, отправленных воинами своим семьям. Александр приказал задержать курьеров по дороге и внимательно изучить письма. Они раскрыли и причины недовольства, и имена тех, кто наиболее активно выступал против распоряжений македонского царя.

Развитие разведки зависело во многом от уяснения правителями и полководцами, какая именно информация о неприятеле нужна для одержания победы. Возникла мысль о том, что совершенно недостаточно иметь данные о численности, вооружении и расположении неприятельских сил, что требуется точное представление об экономических ресурсах страны, о политической обстановке, системе комплектования, снабжения, об обучении и моральном духе войск, о взаимоотношениях центральных и местных властей, обладать достаточно детальными сведениями о будущем районе военных действий, о состоянии дорог и о множестве других вещей, важных для выработки стратегии и тактики, успешного и быстрого передвижения армии, избрания места для решающих сражений. Такую систематическую разведывательную подготовку военных кампаний проводили лишь немногие из военачальников древности.

Среди них – Ганнибал.

Этот знаменитый карфагенский генерал, неоднократно громивший римские армии во время Второй Пунической войны (III в. до н. э.), обязан своими победами не только своему таланту полководца, но и хорошо поставленной разведке. Когда Ганнибал осаждал один город в Сицилии, он заслал в него шпиона, который ночью из своей хижины огнем и дымом подавал сигналы карфагенскому войску. Город был взят. Впереди карфагенской армии, вторгшейся в Италию, двигались десятки и сотни лазутчиков, посланных Ганнибалом для сбора сведений о римском войске и укрепленных городах. Античные историки Полибий и Ливий рассказывают, что карфагенский командующий не раз сам, надев парик и прицепив фальшивую бороду, проникал в римский стан. В то же время он умело маскировал свои действия. Однажды по приказу Ганнибала к рогам волов привязали горящие факелы – римляне приняли движение стада за перемещение карфагенских войск.

В конце Второй Пунической войны молодой римский полководец Сципион высадился со своей армией в Африке. Союзником Карфагена был князь Нумидии Сифакс. Для увеличения шансов на победу римлянам нужно было сначала уничтожить вспомогательное войско нумидийцев. Но Сципион не знал ни численности их, ни расположения. Он предложил тогда королю нумидийцев провести переговоры о мире, надеясь, что римские послы сумеют вывести силы нумидийцев. Чтобы усыпить подозрения Сифакса, Сципион отправил в качестве послов гражданских лиц. Их под видом рабов сопровождали опытные солдаты. Нумидийский вождь был действительно настолько недоверчив, что потребовал от римской делегации оставаться в отведенном для нее помещении и передвигаться по лагерю только в сопровождении приставленных к ней нумидийских воинов. Начальником над «рабами» был ближайший друг Сципиона Лелий. Он попросил послов как можно дольше тянуть время, чтобы он и «рабы» сумели произвести разведку.

Однако время проходило, а римляне оставались под строгой охраной и не могли узнать ничего существенного. Глава римского посольства сказал Лелию, что невозможно долее затягивать переговоры. Тот попросил повременить еще хотя бы сутки и стал совещаться с другими разведчиками, что же предпринять. В этот момент громко заржала и встала на дыбы одна из

лошадей, принадлежавших послам, вероятно, от укуса насекомого. У Лелия мгновенно созрел план действий. Римляне втайне от стражи довели до бешенства своих лошадей. Испуганные животные ринулись прочь от места, где находилось под охраной римское посольство. «Рабы» бросились ловить лошадей, и вскоре все детали укрепленного лагеря, построенного нумидийцами, стали известны римлянам. Переговоры не дали результатов: Сципион и не думал представлять Сифаксу роль посредника между Римом и Карфагеном, к чему, видимо, стремился нумидийский князь. Война закончилась полным разгромом Карфагена. В этом немалую роль сыграло и поражение Сифакса.

Античные полководцы нередко прибегали к приему, заключающемуся в доведении до сведения противника ложных известий, чтобы побудить его действовать во вред собственным интересам. В III в. до н. э. в карфагенской армии, которым командовал Ганнон, взбунтовались 4 тыс. галльских наемников. Возмущенные задержкой жалования, они грозили перейти на сторону Рима. Боясь наказать галлов, так как это могло толкнуть их на открытый мятеж и переход на сторону Рима, Ганнон подослал к римлянам лазутчика, который предупредил их о месте, где карфагеняне должны были производить фуражировку. Ганнон временно успокоил галлов различными обещаниями и послал их в место, указанное римлянам. Те уже ждали в засаде появления галлов и перебили своих возможных союзников.

В 30-х гг. I в. до н. э. римский полководец Вентидий, узнав, что в его войске находится шпион парфян, распустил слух, будто опасается их наступления через равнинную местность, где легионам, мол, трудно выдержать натиск парфянской конницы. Этот путь был наиболее длинный, а короткий пролегал по горной дороге. Парфяне двинулись длинным путем. Вентидий же с помощью хитрости выиграл время, чтобы стянуть подкрепления. В итоге он разбил неприятеля.

Одним из самых известных правителей древности, широко использовавшим секретную службу, был царь Понта Митридат VI, живший в I в. до н. э. Он вступил на престол еще ребенком, был свергнут в результате дворцовой интриги и долгое время скитался по разным странам Малой Азии. Говорят, что уже в 14 лет он знал 22 языка. Митридату удалось вернуть себе престол, после чего он казнил своих противников, в том числе свою мать и многих ближайших родственников. Умный и беспощадный деспот в борьбе против более сильного противника – Рима – умел прикидываться другом покоренных римскими легионами народов. Агенты Митридата неумолимо действовали во многих азиатских владениях Рима и в Греции, используя царившее там недовольство. Митридату было также отлично известно внутривосточное положение Рима, раздираемого гражданской войной между партиями Марии и Суллы. Располагая обширной информацией, понтийский царь был в состоянии предвидеть развитие событий в Риме и использовать это в своих интересах.

В разных исторических ситуациях различные государственные деятели и полководцы отдавали предпочтение то военной, то политической разведке, то контрразведке (и часто с трудом отличимой от нее секретной политической полиции, поскольку борьба против вражеских лазутчиков тесно переплеталась с борьбой против внутренних противников). Член первого триумvirата в Древнем Риме Марк Лициний Красс наладил разведку, собиравшую информацию о действиях своих политических противников. Однако Красс пренебрегал военной разведкой, в результате чего армия под его командованием потерпела в 53 г. до н. э. сокрушительное поражение от парфян в битве при Каррах. Крупнейший полководец Античности Юлий Цезарь использовал разведку во время покорения Галлии, не раз подсылая своих лазутчиков с ложными известиями к неприятелю. При нем разведывательная служба приобрела характер постоянной организации. В каждом легионе имелись опытные разведчики. Однако, став единоличным правителем Рима, Цезарь не создал организацию, которая доставляла бы ему сведения о действиях политической оппозиции, и был убит заговорщиками (44 г. до н. э.).

Римские императоры, особенно откровенные тираны вроде Тиберия или Домициана (I в. н. э.), имели целые армии тайных агентов, следивших за всеми подозрительными. В Риме их называли «деляторами» (информаторами).

Уже в древности были хорошо известны многие ставшие позднее обычными приемы разведывательной работы: применение шифра, использование почтовых голубей и других специально обученных птиц (в том числе и ласточек) для пересылки донесений.

Рассказывают средневековые хроники

В V в. западная часть Римской империи пала под ударами внутренних восстаний и натиска варварских племен. Восточная часть Римской империи (Византия) с центром в Константинополе уцелела и на многие столетия осталась одним из самых мощных и культурных государств Средневековья.

Именно Византия с ее императорами, пышным придворным штатом и кровавыми дворцовыми переворотами оказалась особенно подходящей страной для дальнейшего совершенствования разведывательной службы.

В 516 г. в богатом Константинополе толпа зрителей восторженно приветствовала выступавшую на сцене молодую красивую актрису. Трудно сказать что-либо о качестве исполнения ею византийских танцев. Наши источники не позволяют судить об этом, они обращают внимание на другое. Актриса нарушила строгое постановление городских властей, запрещавших выступление без одежды. А тонкая золотая цепь вокруг талии вряд ли могла смягчить негодование церковных моралистов. Впрочем, прошло не так уж много времени, и моралисты, как это часто случается, предпочли прикусить языки. Иначе им бы их просто отрубили, всего вероятнее вместе с головой.

Актриса стала женой одного богатого византийского вельможи, но была скоро брошена мужем, не желавшим терпеть ее неверность и покрывать расходы, причиняемые ее безудержным мотовством. Феодора (так звали артистку) потом вела нищенскую жизнь в Александрии.

Однажды, рассказывают византийские писатели, Феодора увидела вещий сон, предрекавший, что она станет женой могущественного монарха. Феодора вернулась в Константинополь и стала изображать раскаявшуюся грешницу. Мнимая скромница с утра до ночи пряла в небольшом домике, где она поселилась. Опытной кокетке удалось привлечь внимание знатного патриция Юстиниана, племянника императора. Императрица, тетка Юстиниана, конечно, запретила ему и думать о женитьбе на бывшей актрисе. Но тетка скоро умерла, и Феодора стала женой Юстиниана. А когда в 527 г. Юстиниан вступил на трон, Феодора была коронована императрицей. Она имела огромное влияние на мужа. С первых же лет правления Феодоры выявились ее ум, беспредельная жестокость и полная неразборчивость в средствах, нужных для достижения цели. Ее сын от первого мужа, услышав о возвышении матери, поспешил приехать в Константинополь и явиться во дворец. Феодора сочла, видимо, что он может скомпрометировать ее новое положение как жены императора. Юноша бесследно исчез.

Ближайшая подруга Феодоры – жена знаменитого полководца Велисария, тоже бывшая актриса, держала своего сына Фотия в темнице, велела пытками добиться у него признания, кто вместе с ним дурно отзывался о правительстве.

Бывшая танцовщица и ее муж долгие годы тиранически управляли огромной империей, которая охватывала половину известного тогда мира. Для укрепления своей власти Феодора прибегала к услугам большого числа шпионов, следивших за всеми ее врагами или просто людьми, внушавшими ей подозрение. Императрица не уставала благочестиво повторять, инструктируя своих агентов: «Клянусь Иисусом, живущим вечно, если вы не исполните моих приказаний, с вас живых сдерут кожу». Угроза оказывалась действенной: всем было отлично известно, что супруга Юстиниана не любила бросать слова на ветер.

Шпионы старались. Велисарий – полководец, который в результате победоносных походов возвратил под власть императора Северную Африку и большую часть Италии, – однажды заметил в порыве раздражения, что смерть Юстиниана была бы благодеянием. Императрица узнала об этом немедленно. Велисарий должен был радоваться, когда ему в виде особой милости сохранили жизнь и часть имущества.

Напротив, действия византийских разведчиков Юстиниана в других странах были менее эффективными. Прокопий – византийский историк, современник Феодоры – писал: шпионская служба была организована следующим образом. Некоторое количество людей было взято на содержание государства, с тем чтобы они посещали враждебные страны, особенно персидский двор, якобы по торговым делам и внимательно наблюдали, что там происходит. Таким образом, после своего возвращения они имели возможность сообщать императорам тайные планы враждебных государств. Императоры, получив информацию, принимали меры предосторожности и не бывали захвачены врасплох. Прокопий сообщает, что такая система существовала еще у мидийцев, потом у персов и римлян. Юстиниан, не следовавший в этом отношении примеру других императоров, поплатился потерей важных владений.

Византия сохраняла налаженную разведку и в последующие столетия. Напротив, в Европе в целом Средние века были временем упадка разведывательной службы. Случались, правда, исключения из правила.

Оригинальную форму разведки изобрел вождь франков Хлодвиг (конец V – начало VI в. н. э.), истребивший всех своих родственников, чтобы не было претендентов на его престол. «Много и других королей убил Хлодвиг, – повествует в своей хронике Григорий Турский, – даже ближайших своих родных, опасаясь, чтобы они не отняли у него королевства, и таким образом распространил свое владычество на всю Галлию. Но однажды, когда его люди собрались к нему, он, как рассказывают, стал говорить им: «Горе мне, я теперь как странник между чужими, и нет у меня родственника, который помог бы мне, случись со мной беда». Однако, добавляет летописец, Хлодвиг говорил так вовсе не потому, что жалел погибших. Просто он хотел узнать, не уцелел ли случайно кто-либо из родни, чтобы тут же его прикончить.

...Шел май 878 г. Датский король Гутрум привел свою боевую дружину на юго-восток Англии и расположился лагерем у слияния рек Паррета и Тоуна. Завоеватели-скандинавы (на Руси их называли варягами) захватили уже многие территории в Англии. Англосаксонский король Уэссекса Альфред потерял главные свои владения. И теперь дружинники Гутрума, расположившись на земле, которой еще недавно правил король Уэссекса, торжествовали победу. Датчане не скрывали своего презрения к побежденному врагу, которому молва приписывала большое воинское искусство. У него осталось совсем мало воинов и никогда уже не будет достаточно сил, чтобы сопротивляться привыкшему к победам храброму датскому войску. Вот о чем беседовали датские дружинники, собравшиеся у шатра Гутрума.

Их разговор прервали мелодичные музыкальные звуки. Играл арфист. Это был какой-то сакс, плохо понимавший по-датски, уже не первую неделю находившийся в стане Гутрума. К нему успели настолько привыкнуть, что даже удивлялись, когда он пару дней не показывался в лагере. Музыкант, игравший на арфе, конечно, был бедняком. Он носил за плечами мешок, куда складывал куски мяса и лепешек – остатки пищи, которые небрежно бросали ему датские дружинники, захватившие много зерна и скота у побежденных саксов. Вероятно, арфист относил своей семье объедки со стола воинов. Этим объяснялись, по всей видимости, его нередкие, хотя и краткие отлучки из лагеря.

Арфист был хорошим музыкантом. Порой он умел, закрыв глаза и загадочно улыбаясь, как бы в забытии, извлекать из своего инструмента тихие, нежные звуки, которые не мешали, а скорее оживляли беседы суровых воинов. Так было и сейчас, когда под аккомпанемент арфы Гутрум и его приближенные подробно обсудили план окончательного разгрома дружины короля Уэссекса. Датчане были большими мастерами использования уловок и хитростей на поле боя, и сейчас они заранее договорились, как действовать во время предстоящего нового сражения с саксами.

Вскоре начался поход. Датчане, тем более уверенные в победе, что к ним пришло подкрепление, двинулись на врага. Но их ожидало горькое разочарование. Король Уэссекса Альфред, оказалось, имел во много раз больше воинов, чем предполагали датчане. Их отряды

были окружены саксами. Не помогли и военные хитрости – саксы как будто заранее знали, что предпримут воины Гутрума. Датчане должны были просить мира, обещая покориться правителю Уэссекса. Гутрум и его приближенные пришли в лагерь Альфреда для переговоров и там нашли разгадку своих неудач. Король Альфред принял датских воинов с хорошо знакомой им улыбкой, держа арфу в левой руке.

В начале XIII в. большие усилия к организации разведывательной службы прилагали германский император Оттон IV и французский король Филипп II Август.

Во Франции во второй половине XIV в. – в разгар Столетней войны – король Карл V создал обширную шпионскую сеть, которая выполняла как собственно разведывательные, так и полицейские обязанности.

В Средние века не было полностью утрачено древнее искусство шифрования корреспонденции. Например, император Лотарь (840–855) однажды послал различные сообщения своим сторонникам, замаскированные под цитаты из Священного Писания. Впрочем, даже нехитрые коды оказывались обычно слишком сложной вещью. В эпоху, когда мало кто мог прочесть и простое письмо, редко было нужно прибегать к их шифровке. Только в конце Средневековья тайнопись широко вошла в практику дипломатов различных итальянских государств, особенно Венеции. Новые замысловатые шифры не сразу были освоены в других странах. В испанских архивах сохранились шифрованные донесения послов, на полях которых рукой озадаченных канцеляристов выведено: «нельзя ничего понять», «бессмыслица», «потребовать, чтобы прислали другую депешу»...

В Азии разведка играла немалую роль во время завоевательных походов Чингисхана и его преемников. Правилами монгольской армии предусматривалась проверка донесений шпионов с помощью допроса пленных. Чингисхан предписывал также вылавливать и жестоко расправляться с вражескими разведчиками, которых обнаруживал в монгольском стане.

В Средневековье начала практиковаться засылка из Европы разведчиков в восточные страны для добывания информации. Так, в 1421 г. английский король и герцог Бургундский совместно направили на Средний Восток опытного воина и дипломата Джилберта де Ланнуа с семью спутниками, чтобы они составили подробный отчет о положении в посещенных ими государствах. Примерно через 10 лет с такой же миссией был послан от герцога Бургундского рыцарь Бердрандон де ла Броктер.

Одетый в восточный костюм, он сумел побывать во многих ближневосточных странах, изучал языки, на которых говорили местные жители. Греческий писатель Ласкарис в конце XV в. ездил туда же в качестве секретного агента правителя Флоренции Лоренцо Медичи. Число тайных лазутчиков, которые засылались преимущественно из Италии на Восток, все время увеличивалось.

В Англии вторая половина XIV в. прошла под знаком Войны Алой и Белой розы – борьбы между двумя ветвями королевского дома – Ланкастерами и Йорками за королевский престол (1455–1485). В этой кровавой междоусобной борьбе были совершены все мыслимые преступления, часть старой феодальной знати была истреблена.

Секретная служба в годы войны получила невиданное прежде развитие. Владевший с 1485 г. короной дальний родственник Ланкастеров Генрих VII Тюдор долгое время чувствовал себя очень непрочно на престоле. Чтобы иметь исчерпывающую информацию о всех своих врагах, он создал крупную разведывательную организацию.

Судя по свидетельствам иностранных послов, люди, состоявшие на секретной службе Генриха VII, делились на четыре группы. Первая группа – секретные агенты, которыми обычно были резиденты (английские дипломаты или купцы), занимавшие сравнительно высокое положение в той стране или области, где они проживали. Ко второй группе принадлежали «информаторы» – обычно люди из низших слоев общества, нанимаемые для добывания каких-либо определенных сведений. Третью группу составляли профессиональные разведчики, которым

поручалось систематически следовать за определенными людьми, выявлять их связи, если нужно – организовывать их похищение. К четвертой группе относились профессиональные шпионы, обычно прикрывавшиеся какой-либо респектабельной профессией – священника, лекаря, писаря или другой, дававшей предлог для переезда с места на место и обеспечивавшей им доступ в круги, которые обладали нужными сведениями.

Ренессанс разведки

Эпоха Возрождения – это и ренессанс разведки. То было время формирования сильных национальных государств, создания абсолютных монархий, которые обладали материальными ресурсами, позволявшими им вести крупную политическую игру в масштабах всей Европы. В эту эпоху рождается политика, свободная от религиозных, моральных или каких-либо других сдерживающих начал, принимающая в расчет только реальные интересы. Проводниками ее были прежде всего испанские, французские, английские короли, сыгравшие особо большую роль в создании национальных государств, образование которых настоятельно диктовалось всем ходом социально-экономического развития.

Укрупнение политических органов национальных государств способствовало борьбе господствующего класса феодалов с внутренними и внешними врагами, расширяло географические рамки активности дипломатии этих держав. Римский престол повсюду имел своих агентов. Иностранные государства платили Риму той же монетой. Так, например, секретарь папы Адриана VI (1522–1523) Чистерер был шпионом посла императора Карла V.

Функции разведки в узком смысле слова менялись от времени и места. В условиях разобщенности стран, частого отсутствия дипломатических и торговых связей разведка должна была собирать не только секретную, но и всю нужную информацию о той или иной стране, вплоть до географических данных, материалов о политическом устройстве и т. д. Задачи разведки были самыми различными. Старались разузнать о численности и вооружении войск, о состоянии казны, о размерах и направлении внешней торговли, о соотношении сил различных придворных клик, о богатстве и влиянии государственной церкви и о многом-многом другом. Сложность добывания информации порой заключалась в отдаленности страны, в бесчисленных опасностях, подстерегавших путешественника на море и на сухопутных дорогах, незнании чужого языка, отсутствии возможности передать полученные сведения на родину. Нередко разведчик выполнял функции, которые в последующие столетия становились обязанностями посла, консула, купца, журналиста, ученого – географа, этнографа или экономиста.

Часто разведка использовалась для того, чтобы не допустить установления дипломатических отношений между двумя вражескими государствами. Для достижения этой цели пускались в ход самые различные средства – от дипломатических интриг до применения яда и кинжала. В 1525 г., потерпев поражение при итальянском городе Павия, французский король Франциск I попал в руки своего главного соперника – испанского короля и одновременно германского императора Карла V Габсбурга и был отправлен в Мадрид. Мать Франциска, во время его отсутствия выполнявшая обязанности регентши, решилась на ловкий шаг – вступить в соглашение с могущественным турецким султаном Сулейманом, который уже не раз воевал против войск Карла V в Венгрии. Однако установить связь с Константинополем было не так-то просто: люди императора получили указание любой ценой перехватить посланцев французской королевы. Агенты Габсбурга уничтожили нескольких курьеров, но одному из них, графу Франджипани, удалось достигнуть турецкой столицы и вручить Сулейману послание из Парижа. Так были сделаны первые шаги к франко-турецкому союзу, оставившему столь важный след в политической и военной истории Европы.

В XVI в. вошло в систему содержание постоянных послов при иностранных дворах. Посольства стали центрами разведывательной работы и контршпионажа. Нередко дипломаты передавали друг другу добытые секретные новости. Так поступал, например, испанский посол при английском короле Генрихе VII. Самое интересное, что в обмен на новости, которые он получал от испанских дипломатов в других странах, его снабжали секретной информацией об Англии не только придворные, но и сам... Генрих VII. Англия тогда еще жила в мире с Испа-

нией. Уже при Генрихе VIII испанский посол для добывания информации не раз прибегал к испытанному приему – уплате пенсий влиятельным придворным.

Быстрое развитие в XVI в. приобрело и искусство контршпионажа. Еще в 20-х гг. кардинал Уолси, министр Генриха VIII, и Гаттинара, министр испанского короля и германского императора Карла V, действовали просто. При подозрении иностранного посла в шпионской деятельности они приказывали перехватывать его депеши. Через 10 лет при другом министре короля Генриха VIII – Томасе Кромвеле – пошли еще дальше: письма после их захвата копировали и посылали по назначению. А во второй половине XVI в. научились так вскрывать конверты, что адресат и не догадывался, что они успели побывать в чужих руках.

Входила в обычай и шифровка депеш. Еще в 1466 или 1467 г. выдающийся деятель итальянского Возрождения Леон Баттиста Альберти по просьбе римского папы написал трактат о криптографии. Первое время шифры были несложными: каждая буква заменялась каким-либо определенным знаком.

Разгадать такой код оказывалось делом нетрудным, если знать язык, на котором было написано зашифрованное письмо. Поскольку частота повторения определенных букв в каждом языке – величина постоянная и легко определяемая, не составляло труда выявить наиболее часто встречающиеся знаки, их буквенное значение, а потом определить и все остальные буквы. Нередко шифры не менялись в течение долгого времени, хотя они уже были давно разгаданы противником. Шифры XVI в. были иногда достаточно сложными, и их разгадывание превращалось в головоломку даже для специалистов в последующие столетия. Так, код, использовавшийся Микелем, венецианским послом в Англии в годы правления Марии Тюдор, был расшифрован только через три с лишним века, в 1868 г.

Дипломатическим курьерам приходилось пересекать территорию третьих государств, правительства которых часто не могли избежать искушения познакомиться с секретной почтой, доставляемой иностранному двору. Поэтому посольские донесения приходилось посылать в нескольких экземплярах различными путями в надежде, что хотя бы одно достигнет назначения. Зная о перехватывании донесений, послы часто посылали депеши с заведомо ложными сведениями для дезинформации противника, заранее, разумеется, уведомляя об этой уловке свое правительство.

Возрождению разведки в немалой степени способствовало открытие Америки. Испанцы из своих владений в Новом Свете вывозили огромное количество золота. Купцы и авантюристы других европейских стран горели желанием присвоить хотя бы часть из этой сказочной добычи. Соблазн был велик, и первыми поддались ему французские купцы и судовладельцы. Вскоре после завоевания испанцами Мексики французы начали организовывать пиратские налеты на корабли, перевозившие золото из Америки в Испанию. Французский корсар Жан Флери сумел перехватить многие сокровища последнего императора ацтеков Монтесумы, попавшие в руки Кортеса и других испанских конкистадоров. Для борьбы с французскими корсарами Мадриду пришлось завести во французских портах Ла-Рошель, Нант, Дьеп и других тайных лазутчиков для получения известий об отплытии пиратских кораблей и о планах корсаров. Дурные примеры заразительны: по пути, проложенному французами, через некоторое время последовали пираты из Англии и других стран. Так что работы для испанских шпионов с годами прибавлялось... Еще более тесно переплетались тогда пиратство и шпионаж в Средиземном море в ходе многолетних войн между западноевропейскими государствами, особенно Испанией и Османской империей.

Теплая «Компания Иисуса»

На протяжении Средневековья только церковь имела свою разветвленную разведывательную сеть почти во всех странах Европы. Правда, секретная служба не выделялась как особая организация. Просто весь аппарат церковной иерархии постоянно собирал информацию о положении на местах. Эти сведения суммировались церковными чинами, управлявшими духовенством определенной области и страны, и пересылались в Рим. Информация шла сразу по нескольким каналам. Во-первых, по цепочке, которая начиналась от приходского священника и кончалась римским папой; во-вторых, через монашеские ордена; наконец, от специальных уполномоченных папы, будь то послы-нунции, направлявшиеся в различные католические страны, или другие представители римского престола.

Возможности сбора информации были почти неограниченными. Если сельский священник мог детально ставить в известность свое духовное начальство о настроениях деревень, входивших в его приход, то духовник того или иного монарха был в состоянии дать не менее подробный отчет о положении дел при дворе и планах этого государя. Эффективным средством получения сведений была исповедь.

Конечно, огромная машина, снабжавшая Рим нужными известиями, работала не без перебоев, особенно связанных с конфликтами, которые нередко возникали у пап с высшим духовенством отдельных стран. Однако в целом римский престол оставался вплоть до эпохи Возрождения самым осведомленным правительством тогдашнего христианского мира относительно положения дел в других государствах и странах.

Чрезвычайно важным орудием для выпытывания сведений, которые желала получить церковь, оказался аппарат инквизиции, особенно в Испании, где она получила наибольшее развитие. Система слежки за «еретиками» (а в склонности к ереси подозревалась значительная часть населения страны, и вообще, мало кто был огражден от возможности быть зачисленным в разряд подозрительных), требования доносить на соседей, на знакомых, даже на родных, многочисленные аресты и допросы под пыткой – все это давало инквизиции возможность получать сведения не только об уклонении от «истинной веры», но и обо всем, что хотелось узнать святым отцам.

Однако еще большую роль в развитии церковной разведки сыграл основанный в первой половине XVI в. орден иезуитов – «Компания (Общество) Иисуса», как они себя называли. Орден был создан прежде всего для борьбы против успехов Реформации. Членами ордена становились, как правило, тщательно отобранные люди, обученные беспрекословному, слепому повиновению вышестоящим лицам (по выражению основателя ордена Игнатия Лойолы, каждый иезуит должен был быть подобен трупу в руках духовного начальника). Иезуит к тому же был обучен всем приемам духовного воздействия на верующих мирян и всем уловкам, позволяющим пускать в ход и оправдывать любые средства борьбы: ложь, клевету, яд или кинжал убийцы.

Устав и правила иезуитов были специально направлены на то, чтобы превратить их в ревностных проповедников и агентов католицизма, при этом нередко агентов тайных или действующих с помощью создаваемой ими секретной службы. Очень часто исповедник короля или глава иезуитской семинарии был по существу – употребляя термины последующей эпохи – резидентом, которому подчинялась обширная сеть осведомителей, или главой шпионской школы. Да, школы, готовившей не столько проповедников, сколько священников, прослушавших курс общих религиозных и специальных разведывательных «наук» и ставших вполне подготовленными шпионами или диверсантами. Часто проповедник и разведчик совмещались в одном лице. Иногда иезуитский шпион обходился и без «проповеднического прикрытия».

Агентами ордена могли быть как его члены, так и светские лица. Как правило, сами иезуиты действовали лишь как тайная направляющая сила, пытаясь совершать наиболее темные дела чужими руками. Порой лазутчики «Общества Иисуса» строили козни прямо на территории противника, в других случаях они действовали исподтишка, через подставных лиц, сами оставаясь в католических странах, вне досягаемости своих врагов.

Так поступали, например, иезуиты, создавшие свои шпионские центры в занятой испанскими войсками части Нидерландов (в последней трети XVI и начале XVII в.). Иезуитские разведчики могли поддерживать то короля против знати, то знать против короля, даже разжигать народные волнения, тайно или явно проповедовать тираноубийство – в зависимости от целей, которые в данный момент и в данной стране преследовал орден.

Иезуиты приветствовали и поддерживали попытки установления в Европе господства одной (конечно, католической) державы, считая, что создание подобной универсальной монархии будет сопровождаться торжеством католицизма над Реформацией. Во второй половине XVI и в начале XVII в. орден поэтому всеми силами поддерживал притязания испанских и австрийских Габсбургов на европейскую гегемонию. «Общество Иисуса» нисколько не считалось с тем, что подобная перспектива серьезно нарушала интересы других католических государств, дружественно относившихся к иезуитам, и что успеха этих планов страшился даже римский папа Сикст V (он боялся превратиться в простого духовного вассала испанского короля). К началу XVII в. выявился крах великодержавных планов Филиппа II и его преемников, а Тридцатилетняя война (1618–1648), по сути дела, покончила с притязаниями на гегемонию, которые продолжала выдвигать австрийская ветвь Габсбургов. Тогда иезуиты перенесли свои симпатии на Францию, в свою очередь начавшую претендовать на господствующее положение на Европейском континенте.

Помимо разведывательной службы иезуитский орден имел и свою контрразведку. Она не была особой организацией – обязанность вылавливать вражеских лазутчиков в собственных рядах обычно лежала на всех иезуитах. С течением времени ордену пришлось опасаться не столько агентов противника в собственном лагере, сколько перебежчиков. По мере того как все более разоблачалось истинное лицо ордена, увеличивалось и число иезуитов, на верность которых орден не мог вполне полагаться, и даже тех, кто открыто покидал его ряды. Особенно опасными были, впрочем немногочисленные, иезуиты, которые не только порывали с прошлым, но и выступали с разоблачением тайн ордена. Именно в отношении их и начинала действовать иезуитская «контрразведка».

Так, в протестантской Голландии стали выходить направленные против ордена сочинения бывшего иезуита Петра Ярриге. Не имея возможности покарать отступника, иезуиты вначале ограничились сожжением его изображения, а также полемическими трактатами. На сторону Ярриге немедленно встали протестанты, и полемика значительно больше повредила, чем помогла, иезуитам, привлекая общее внимание к его разоблачениям. Тогда по приказу генерала ордена словопрения вдруг были прекращены, а в Лейден, где проживал Ярриге, отправилась тайная делегация во главе с отцом Понтелье с целью побудить бывшего коллегу вернуться в «Общество Иисуса». Переодетые иезуиты привезли Ярриге бумагу за подписью генерала, содержащую полное прощение за все его грехи. Ярриге раскаялся, вернулся в орден и написал опровержение на свои прежние еретические сочинения.

Однако противники иезуитов утверждали, что все это было лишь комедией, разыгранной для сокрытия следов преступления. По этой версии, иезуитские посланцы убили или похитили Ярриге, которого никто из посторонних с тех пор не видел. Иезуиты сообщили, что Ярриге мирно скончался в иезуитской коллегии ордена в Тюле (во Франции), уважаемый и любимый своими духовными братьями. Но вполне вероятно, что его убили или сгноили в темнице еще за два десятка лет до объявления даты «официальной» смерти.

Иезуиты разделили весь мир на области – провинции. Глава иезуитов такой области – провинциал – обычно руководил и секретной службой в этом районе.

Иезуитская разведка была организатором десятков успешных заговоров, восстаний, убийств из-за угла, бесчисленных дворцовых интриг, в ходе которых обдelyвались важные политические дела, заключались и разрывались союзы между государствами, утверждались у власти или низвергались те или иные придворные клики. Иезуиты прямо или косвенно участвовали в наиболее известных политических убийствах конца XVI – первой половины XVII в.

Разведка и реформация

В Англии при Генрихе VII поредевшие ряды феодальной аристократии пополнились новой знатью – выходцами из горожан, которые возвысились на королевской службе. Именно новое тюдоровское дворянство, начавшее огораживать поля своих земельных владений, сгоня крестьян с насиженных мест, стало переходить к новым методам ведения хозяйства. Эта знать поддержала сына Генриха Тюдора – Генриха VIII (1509–1547), когда он, порвав с римским папой, провозгласил себя главой англиканской церкви, распустил монастыри и конфисковал их огромные земельные владения, а также поместья многих дворян, остававшихся верными католицизму. Основная часть этой богатой добычи попала в руки новой знати. Они имели теперь сильнейшее основание опасаться реставрации католицизма, которая повлекла бы и возвращение земель их прежним собственникам.

Семейные дела первого главы англиканской церкви оказались очень запутанными. Генрих был женат шесть раз. Правда, не все его супруги разделили судьбу жен Синей Бороды. Тем не менее две из них взойшли на эшафот, обвиненные в супружеской измене, и браки с ними были признаны недействительными. С остальными король без труда добивался развода. Короче говоря, права на престол после его смерти у наследников были весьма неопределенны, давая возможность соперничавшим фракциям выставлять своих кандидатов. Несколько лет королем был его сын-подросток Эдуард VI (1547–1553), а потом престол перешел к старшей дочери Марии, которая реставрировала католицизм, но побоялась потребовать у новых владельцев конфискованных земель возвращения их римской церкви. После смерти Марии на трон в 1558 г. вступила Елизавета I Тюдор, повернувшая государственный корабль опять в сторону протестантизма. Она была дочерью Генриха VIII от брака с Анной Болейн, одной из казненных им жен.

Шпионаж взяли на вооружение лидеры враждующих верований. Таинства религии не раз вместе с тайнами разведки входили в арсенал тайной войны. Реформация и Контрреформация почти неизменно сопровождались реформами секретной службы. Поколение, при котором произошла Реформация, первоначально выдвинуло малоубежденных ее сторонников среди дворянства, которые не руководствовались бы соображениями непосредственной выгоды, будь то участие в расхищении монастырских земель, придворная карьера или то и другое вместе. Сам же идеолог и руководитель Реформации архиепископ Кранмер больше всего верил в необходимость беспрекословного повиновения воле монарха. Когда он, глава англиканской церкви, в правление королевы Марии Тюдор был приговорен к сожжению на костре, то даже в ночь перед казнью мучился сомнением, умереть ему протестантом или католиком.

Однако как раз преследования протестантов при Марии, вызвавшие волну эмиграции из Англии, продемонстрировали появление людей, для которых преданность новой вере и ненависть к папизму вошли в плоть и кровь, впрочем, нисколько не принижая в их сознании и роли протестантизма в отстаивании материальных интересов людей, отмеченных, как они, «божьей благодатью». Именно к таким людям, по энергии, по уверенности в себе и правоте своего дела нисколько не уступавшим иезуитам, штурмовому отряду католической реакции, и принадлежало большинство руководителей разведки Елизаветы I. В этом одно из объяснений ее успехов. Среди этих людей первое место принадлежало Уильяму Сесилу, получившему титул лорда Берли.

Возвышению Берли предшествовала пора его обучения как государственного деятеля. На Уильяма Сесила, простого линкольнширского дворянина, обратил благосклонное внимание еще Генрих VIII в последние годы своего царствования. Сесил умело отстаивал идею королевского верховенства в делах церкви. После смерти старого короля Сесил стал фаворитом герцога Сомерсета, регента при малолетнем короле Эдуарде VI. Гибель Сомерсета на плахе не повре-

дила Сесилу, продолжавшему состоять членом Тайного совета во время всевластия герцога Нортумберленда и пользоваться его доверием. Уже в это время обязанностью Сесила считалось поддержание непосредственной связи с английскими послами при иностранных дворах. Дни, последовавшие за кончиной Эдуарда VI, стали испытанием, которое, казалось, невозможно было преодолеть даже такому ловкому и проницательному политику, как Сесил. Не было безопасного пути, любой образ действия таил смертельную угрозу. Отказываться поддерживать новый порядок престолонаследия значило навлечь на себя ярость Нортумберленда. Подчиниться его требованиям было равносильно государственной измене в случае крайне вероятной победы Марии Тюдор. Сесил подписал закон о поправках в порядке престолонаследия, но только как свидетель и успел перебежать на сторону Марии и получить полное прощение за свое вынужденное подчинение мятежнику-герцогу.

Королева Мария охотно включила бы Сесила в число своих ближайших советников, если бы он решительно связал себя с католической партией. Однако здесь снова сказалась его дальновидность. Сесил не верил в прочность католической контрреформации, которая явно противоречила интересам буржуазии и большей части джентри, выходцем из рядов которого он являлся. Поэтому Сесил счел за лучшее держаться в некотором отдалении от нового правительства, не навлекая, впрочем, гнева Марии Тюдор. Он внешне в некоторой мере начал соблюдать обряды католической церкви, чтобы его возможно было принять за вставшего на путь раскаяния грешника. Позднейшие апологеты Сесила из числа историков прошлого века, стараясь подыскать благовидное оправдание оппортунизму своего героя, считали, что он, быть может, склонялся к адиафоризму – направлению в германском протестантизме, которое не придавало значения католическому обряду и было готово сохранить его ради примирения церквей. Как отмечал еще тогда же знаменитый историк Маколей, Сесил если и был адиафористом, то только для самого себя, впоследствии без колебаний отправляя в тюрьмы и на эшафот за верность католической обрядности. Пока же Сесил умело уравновесил этот адиафоризм, который смягчал недовольство католиков, умеренной оппозицией в парламенте, привлекавшей к нему симпатии ревностных протестантов, даже тех, кто предпочел изгнание или костер отречению от своих убеждений. Другие за оппозиционные речи оказывались за решеткой. Сесил сумел и здесь остановиться у опасной грани. Он поддерживал контакты с опальной тогда сестрой королевы принцессой Елизаветой, следовавшей его советам, не лишаясь милостей самой Марии, выполняя со своей обычной оборотистостью различные ее поручения. Свои переходы на сторону победителя Сесил облачал во внешне пристойные, благовидные формы, чтобы не портить репутацию и не возбуждать подозрения, что он замышляет новые измены.

Впрочем, Елизавете с самого вступления ее на престол в 1558 г. Сесил стал служить не за страх, а за совесть. На протяжении 40 лет, вплоть до своей смерти, он был фактически первым министром королевы, все равно – на посту ли государственного секретаря, или лорда-канцлера, или, впоследствии, лорда-казначея. Вместе с тем его влияние не всегда было решающим: оно заключалось скорее в единстве взглядов и целей, в умении угадывать желания Елизаветы и отступать, когда дело доходило до ее предубеждений, чем в попытке навязывать свою точку зрения королеве. Сесил предпочитал подводить ее самым ходом дел, иногда специально направляемых им, к принятию мер, которые он полагал целесообразными. Впрочем, часто все его усилия разбивались о почти болезненное стремление Елизаветы откладывать принятие важных решений, особенно если они были связаны с реальными опасностями и значительными расходами. Случалось иногда, что бесконечные промедления оказывались наилучшей политикой – само развитие событий приводило к нужной цели, без всяких усилий и затрат со стороны королевы. Но обычно Сесил в конечном счете не только оказывался прав, но и добивался проведения наиболее выгодного, по его мнению, политического курса.

В поведении Сесила трудно отыскать высокие нравственные начала. Максимум, что можно было сказать о нем: без особой нужды он не предавал друзей и доверившихся ему людей,

не жертвовал государственными интересами в пользу собственных, и к 300 имениям, находившимся в его владении к концу жизни, он мог бы добавить еще немало других, если бы столь же бесцеремонно залезал в государственную казну, как некоторые из его предшественников и преемников на посту лорда-казначея.

Однако в то же время Уильяма Сесила никак нельзя просто отнести к распространенному типу политических хамелеонов, наделенных только недюжинными способностями к интриге. Это был государственный деятель, всеми своими интересами, мировоззрением и психологией связанный с господствующими классами тюдоровской эпохи. Сесил не принадлежал к людям, способным открывать новые политические горизонты. Он был противником крайностей протестантизма, в которых инстинктивно ощущал опасность для позиций крупноблагородных классов, для той расстановки сил, власти и влияния, которые воплотились в дорогих ему политических порядках елизаветинской Англии. Осторожность Сесила чуть ли не вошла в поговорку. Обычно он был сторонником сдержанности и неторопливости в делах. Нередко поступки министра даже его коллегам казались полумерами, хотя в тех случаях, когда самыми безопасными оказывались наиболее решительные шаги, он умел действовать быстро. Это вполне отражает и историю английской секретной службы, которой Сесил заправлял на протяжении четырех десятилетий, когда стоял во главе елизаветинского правительства. Вступив на трон, Елизавета сразу же изъяла разведку из ведения Тайного совета, которому она подчинялась еще с правления Генриха VIII, и передала в подчинение Сесилу. Он руководил секретной службой сначала лично, а потом через других министров, с которыми, правда, порой ему случалось и расходиться в оценках политической обстановки.

К числу наиболее активных разведчиков первых лет правления Елизаветы, несомненно, относится Николас Трокмортон. Современники полагали, что он недаром был тезкой Никколо Макиавелли, фамилия которого считалась в XVI в., да и позднее, синонимом черного коварства. Сэра Николаса не без оснований называют предшественником и в известном смысле учителем ближайшего помощника Сесила – Фрэнсиса Уолсингема, о котором будет много говориться на последующих страницах. Сохранился портрет Трокмортон, написанный в то время, когда он стал видной фигурой в мире дипломатии: рыжие волосы и борода, скошенные в сторону зоркие глаза, в которых затаились напряженность и раздражительность, вот-вот готовые перейти во вспышку неудержимого гнева. Пышный костюм – тогда недаром говорили, что придворные носят целые имения на своих плечах, – украшает длинная цепь, на конце которой укреплен кулон – камень с подвесной жемчужиной.

В жизни и карьере Николаса Трокмортон отразились сложные процессы английской социальной и политической истории бурного XVI столетия. Это была эпоха ломки и созидания, когда сложно переплетались старые и новые лояльности – феодальным вождям и короне, соперничавшим претендентам на престол, когда приверженность религии вступала в конфликт с верностью стране, когда политические столкновения зачастую побуждали к обращению за помощью к врагам государства, когда ломались традиционные союзы и рождались внешнеполитические комбинации, отражающие новые интересы, идеи и устремления. Ветви разросшегося рода Трокмортонов посылали своих сыновей едва ли не во все политические группировки – от крайних пуритан до фанатичных католических заговорщиков. Нередки были и измены старому знамени, переход на сторону победителя, за который жадно выпрашивались милости: земли, деньги, государственные синекуры.

Отец Николаса сэра Джордж тоже одно время склонялся к поддержке католического лагеря, но одумался, испросил прощение и в награду за возвращение на путь лояльности получил немалую толику конфискованных монастырских земель. Они послужили прочной материальной основой приверженности многих Трокмортонов государственной англиканской церкви. Положение семьи еще более укрепилось, когда их родственница Екатерина Парр стала последней по счету женой Генриха VIII.

Четвертый сын Джорджа Трокмортон (в семье было 7 сыновей и 11 дочерей) Николас начал еще с юных лет делать придворную карьеру, сразу обогнав в этом и своих многочисленных братьев, и других родственников, стал приближенным Эдуарда VI, сумев удержаться на поверхности в бурных водах придворных интриг. Герцог Нортумберленд подозрительно относился к Николасу из-за его близости к юному королю. В последний момент Николас Трокмортон успел перебежать в лагерь Марии, получить полное прощение и даже награды от новой королевы. Он, видимо, совсем не был склонен к крайностям в религии и политике, столь характерным для многих его родственников, хотя очень походил на них бурным темпераментом. В 1554 г. Николас Трокмортон попал в Тауэр, где в это время была заключена и младшая сестра Марии – будущая королева Елизавета.

После двухмесячного нахождения в тюрьме 17 апреля 1554 г. Николас Трокмортон предстал перед судом по обвинению в государственной измене, который обычно в эту эпоху был торжественно обставленным юридическим спектаклем, формальной процедурой с заранее определенным исходом, преддверием на пути к эшафоту. Однако в деле Николаса Трокмортон судбная машина не сработала – кажется, единственный раз за все тюдоровское столетие английской истории!

Прокурор обвинял Трокмортон в том, что он был, по сути дела, разведчиком повстанцев Уайета, пересылая им информацию из Лондона. Вероятно, это соответствовало действительности и, главное, подтверждалось помощником Уайета Кетбертом Вогеном, который, спасая свою голову, согласился выступить свидетелем обвинения. Николасу Трокмортона пришлось признать свои контакты с восставшими, но он настаивал вновь и вновь, что эти связи не могут быть подведены под государственную измену в том смысле, какой придавался ей статутом Эдуарда III. Одним словом, сэр Николас был очень ловким человеком, и не только тогда, когда дело доходило до петли... Присяжные единогласно признали Трокмортон невиновным, что вызвало радостные возгласы собравшейся толпы. Для вынесения оправдательного вердикта требовалась немалая решимость. Через неделю присяжных вызвали для допроса в зловещую Звездную палату, после чего двоих председателей жюри отправили в Тауэр, а остальных – в тюрьму Флит, притом самого Николаса Трокмортон тоже не выпустили из заключения. Оставался он в Тауэре до января 1555 г., когда его (и еще нескольких лиц, впоследствии занимавших важные места в елизаветинской администрации) помиловали по случаю ожидавшегося рождения королевой ребенка, которое должно было обеспечить католическое престолонаследие. Акт милосердия считался подходящим по случаю такого предстоявшего радостного события. Впрочем, во имя Божье одновременно приступили к сожжению еретиков. Неизвестно, что оказалось неугодным небу, но наследник так и не появился на свет. Как бы то ни было, сэру Николасу явно удалось извлечь максимум возможного из ненавистного «испанского брака» королевы с принцем Филиппом (будущим королем Филиппом II), хотя было очень неясно, надолго ли Трокмортон покинул мрачные стены Тауэра.

В начале следующего года один из родственников сэра Николаса сделал сумасбродную попытку ограбить казначейство, чтобы добыть деньги для готовившегося тогда нового восстания протестантов. Николас, не связанный, кажется, с этой попыткой, должен был внести огромную сумму в 2 тыс. ф. ст. как залог своей верности правительству. Почва начала гореть под ногами – Николас Трокмортон махнул рукой на залог и в конце июня 1556 г. уехал во Францию. Однако в отличие от других эмигрантов-протестантов, бежавших от преследований правительства католической королевы, Николас Трокмортон сразу же во Франции явился к британскому послу доктору Уоттону, клятвенно заверил его, что не имеет ничего общего с мятежниками, и попросил переслать его оправдательные письма Марии Тюдор и влиятельным членам Тайного совета. Это было очень важно Трокмортона, надо было спасти от конфискации свои имения (часть из них все же пришлось продать, чтобы покрыть расходы во Франции). Не ясно, действительно ли Трокмортон избегал других эмигрантов, во всяком случае, он часто

бывал у посла, снабжая его многими полезными сведениями. Англия как союзница Испании готовилась развернуть военные действия против Франции. Поэтому для английского правительства оказалась крайне важной информация, собранная Трокмортонем, о военных планах французов, включая подготовку к высадке десанта в Англии. Сведения, добытые Трокмортонем, свидетельствуют, что он к этому времени уже обладал навыками опытного крупного разведчика. Он получил прощение за свое бегство, а после участия на стороне испанцев в битве при Сен-Кантене в августе 1557 г., закончившейся разгромом французских войск, был полностью амнистирован (этому, по-видимому, помог его младший брат – ревностный католик, который стал приближенным Марии Тюдор).

Таким образом Трокмортон прожил годы правления Марии Тюдор, а уже на другой день после ее смерти получил важные поручения от новой королевы. Он надеялся занять высокий пост в правительстве – стать вторым человеком после Уильяма Сесила. Но его непрошенные советы и рекомендации не были приняты королевой. От этих дней у Трокмортоня осталось острое чувство зависти к Сесилу, которое побуждало его принимать сторону противников главного министра, конечно, противников из среды елизаветинской администрации, а не врагов самой королевы. Впрочем, Сесил, закрыв Трокмортону путь к участию в правительстве, охотно согласился предоставить беспокойному сэру Николасу дипломатический пост. В мае 1559 г. Трокмортон был назначен постоянным послом в Париж (в отличие от чрезвычайных послов, направлявшихся с каким-то особо важным специальным поручением).

Трокмортон был сторонником энергичных мер против всех врагов Елизаветы. Эту линию отстаивал фаворит королевы Роберт Дадли, граф Лейстер, тогда как Сесил считал, что выгоднее придерживаться более осторожной и гибкой политики. Однако при всем том Трокмортон старался все же сохранять верность Сесилу как главе британской секретной службы.

Сэр Николас прибыл в Париж, когда в 1559 г. был заключен Като-Камбрезийский мир, который положил конец военному конфликту между Испанией и Францией, длившемуся всю первую половину века. Вдобавок испанский король Филипп II и французский король Генрих II «частным образом» договорились уничтожить еретиков в своих странах. Возникла возможность коалиции двух наиболее мощных католических держав против Англии – возможность, которая в течение многих десятилетий считалась в Лондоне наибольшей внешнеполитической опасностью. Обе эти страны обладали средствами давления на Англию – Филипп II владел Нидерландами, торговля с которыми имела чрезвычайно большое значение для британских купцов. Нидерландские гавани были самым удобным местом, откуда армия неприятеля могла достичь английских берегов. Франция имела серьезные позиции в Шотландии. Регентшей Шотландии была вдова короля Якова V Мария Гиз – представительница аристократического рода, который имел большое влияние на французскую политику. А дочь Марии Гиз – Мария Стюарт, которая с детских лет жила в Париже и была обвенчана с французским дофином, являлась королевой Шотландии. Более того, как родственница Тюдоров, Мария Стюарт имела права и на английский престол, которые могли превратить ее в соперницу Елизаветы, поддерживаемую английскими католиками. Притязания Марии Стюарт встречали полное одобрение Гизов.

Война против Франции, начатая еще при Марии Тюдор без всякой подготовки, была неудачной. В 1558 г. англичане лишились своего последнего опорного пункта на континенте – французского города Кале, который был ими завоеван в XIV в. Трокмортон получил инструкцию выразить согласие с Като-Камбрезийским договором. Вместе с тем посол должен был действовать исходя из того, что главными непосредственными задачами английской политики были выдворение французов из Шотландии и возвращение Кале. Трокмортону были даны поручения, явно не укладывавшиеся в его дипломатические функции, – точно разузнать, что собираются предпринимать Гизы в отношении Шотландии (причем чрезмерная любознательность английского посла не должна быть замечена). Трокмортон должен был также устро-

ить побег из Франции шотландского графа Эррана, имевшего права на шотландский престол. Однако Трокмортон свои задачи понимал еще шире. Он один из первых почувствовал, какие выгоды может извлечь для себя протестантская Англия, поддерживая протестантские силы в различных странах Европы, и прежде всего французских гугенотов. Помощь протестантам в надвигавшейся религиозной войне во Франции могла стать наилучшим способом достижения Лондоном внешнеполитических целей.

Едва Трокмортон обосновался в Париже, как Генрих II в начале июля 1559 г. был смертельно ранен, участвуя в рыцарском турнире. Через несколько дней король скончался, на престол вступил его сын Франциск II, муж Марии Стюарт, а Гизы установили полный контроль над правительством и подготовили посылку значительных французских подкреплений в Шотландию. Тревожные депеши Трокмортон Сесил использовал, чтобы сломить сопротивление Елизаветы против плана английской вооруженной интервенции в Шотландию. Осенью 1559 г. Трокмортон был отозван, в марте следующего года начались военные действия. Превосходство англичан на море заставило Гизов согласиться на эвакуацию французских войск из Шотландии – таковы были условия Эдинбургского договора, добиться ратификации которого Марией Стюарт Елизавета поручила Трокморту, снова отправившемуся для этой цели в Париж. К этому времени Трокмортон был уже заметной фигурой на европейской дипломатической сцене. Впрочем, его акции в глазах английской королевы были подорваны бестактными советами, которыми продолжал докучать ей сэр Николас. Положение мало менялось даже тогда, когда советы преподносились под видом донесений, в которые включались слухи, ходившие о Елизавете при французском дворе.

Другим активным разведчиком тех лет был Генри Киллигрю, посланный во Францию для связи с гугенотами. Сэр Генри в известном смысле являлся противоположностью Николасу Трокморту. Снедаемый страстями, Трокмортон не раз шел собственными путями, которые вызывали неудовольствие королевы и ее министров. Киллигрю, напротив, был идеальным, почти безликим слугой тюдоровской монархии, всегда послушным, неколебимым в своем усердии, готовым без малейших угрызений совести на любые действия, включая убийство, если только оно соответствовало государственным интересам в том смысле, какой вкладывали в это понятие Елизавета и ее советники. Мария Стюарт оказала Киллигрю во Франции важные услуги, так же как и Трокморту, который запомнил это и пытался совместить преданность Елизавете с поисками политики, которая не вредила бы и шотландской королеве.

Иное дело – Киллигрю. Он сразу же с холодной ненавистью стал самым непримиримым ее врагом – ненавистью, целиком вызванной трезвым политическим расчетом. Однако во Франции и Трокмортон, и Киллигрю еще действовали в полном согласии для осуществления целей явной и тайной дипломатии елизаветинского правительства. Уже в июле 1559 г. Трокмортон многозначительно известил королеву, что Киллигрю сослужил ей «многими различными способами столь добрую и трудную службу, что заслуживает хорошей награды».

В Лондоне считали, что герцог Гиз, обладавший большим влиянием при французском дворе, постарается силой поддержать притязания своей племянницы Марии Стюарт. Вдобавок в Шотландии все еще находилось некоторое количество французских войск. Задачей английской секретной службы поэтому стало всяческое поощрение политической и религиозной оппозиции и в Шотландии, и во Франции. Трокмортон и Киллигрю вполне подходили для выполнения подчас весьма щекотливых поручений, связанных с такой политикой. В июле 1559 г. Киллигрю удалось устроить бегство из Франции графа Эррана, который был нужен английской разведке в Шотландии. Киллигрю действовал вместе с английскими разведчиками Томасом Рэндолфом и Ричардом Тремэйном.

Через месяц, в августе, Киллигрю установил контакт с Антуаном, королем Наварры, возможным руководителем французских протестантов. Одновременно Киллигрю собрал и направил в Лондон подробную информацию о французской эскадре, которая под командой маркиза

д'Эльбефа в январе 1560 г. отплыла в Шотландию. Буря рассеяла эту эскадру, что было большой удачей для Англии.

Трокмортон, Киллигрю и ряд других английских агентов деятельно участвовали в подготовке широкого заговора французских протестантов. Вернувшись в Лондон в конце февраля 1560 г., Киллигрю мог доложить о предстоящих важных событиях во Франции. Речь шла о знаменитом Амбуазском заговоре, в котором глава протестантов принц Конде ставил цель захватить короля Франциска II и лидеров католической партии Гизов. Главным организатором заговора был Жан Дю Бари де ла Реноди, который выполнял поручения не только Конде, но и английской разведки.

Заговор был очень опасным для Гизов, но его не удалось сохранить в тайне. О нем узнали, в частности, лазутчики герцога Савойского и кардинала Гранвеллы, испанского наместника в Нидерландах, поспешившие известить обо всем Гизов. Информация, хотя и довольно неточная, просочилась к Гизам и по другим каналам. Из попытки захватить двор врасплох в Амбуазе ничего не вышло, и протестантский заговор потерпел полную неудачу.

В декабре 1560 г. умер Франциск II. Мария Стюарт перестала быть царствующей королевой Франции и вскоре уехала в Шотландию. Гизы потеряли контроль над французской политикой. Вступление на престол брата умершего короля, Карла IX, фактически передало бразды правления в руки его матери Екатерины Медичи, которая в это время стремилась предотвратить открытую войну между католиками и гугенотами. Сэр Николас Трокмортон придерживался прямо противоположного мнения насчет желательного направления развития событий во Франции. К этому времени он успел создать прочную разведывательную организацию и мог посылать Сесилу подробные отчеты о малейших изменениях французской политики. Екатерина Медичи со своей стороны установила постоянную слежку за британским дипломатом.

События вскоре пошли как раз по руслу, по которому их стремился направить Трокмортон, хотя в том не было его особой заслуги. Убийства гугенотов в Васси и в других местах по наущению Гизов послужили в 1562 г. сигналом к началу первой из ряда религиозных войн, растянувшихся на полстолетия. Гугеноты взяли за оружие, их силы во главе с адмиралом Шатийоном и Конде сосредоточились в Орлеане. И там же очутился британский посол с немалым количеством золота. Сэр Николас видел в гражданской войне во Франции не только средство вернуть Кале. Трокмортон думал о большем. Он писал Сесилу, что при умелом ведении дел Елизавета «будет в состоянии стать арбитром и правителем христианского мира» вместо испанского короля.

Правительство Елизаветы предполагало побудить гугенотов уступить Англии Гавр и Дьеп как плату за военную помощь. Эти города могли быть потом обменяны на Кале. В Лондоне учитывали стратегическое значение Дьепа и особенно Гавра, а также занятого гугенотами Руана. Гавр и Руан были ключами к Парижу, так как контролировали устье Сены, по которой осуществлялся подвоз продовольствия во французскую столицу. Поэтому агенты Сесила появились в этих городах, выясняя возможности их обороны против королевской армии и готовность принять английские гарнизоны. В августе 1562 г. туда же прибыл Киллигрю. Он пытался не только определить военные силы гугенотов в этом районе, но и убедить их лидеров принять английскую поддержку. Киллигрю пришлось пережить много опасных приключений, прорываясь силой с отрядом солдат через территорию, занятую неприятелем. В октябре 1562 г. английские войска прибыли в Гавр. Помощь запоздала и оказалась крайне недостаточной. Сам Киллигрю, раненный в ногу, попал в плен. Спасли его от печальной участи других пленных англичан, преданных смерти, лишь заступничество влиятельных друзей и надежда французских католиков получить немалый выкуп. После уплаты солидной суммы он был отпущен на родину.

Что же касается Трокмортон, то Екатерина Медичи, естественно, не строила никаких иллюзий на его счет и наотрез отказалась выдать ему пропуск для выезда из осажденного Орле-

ана. Трокмортону вдобавок напомнили о его крайней неблагодарности, поскольку, по мнению французского правительства, оно, предоставив сэру Николасу право убежища во время правления Марии Тюдор, спасло ему жизнь. Как бы то ни было, для переговоров с французским двором прибыл еще один английский посол – сэр Томас Смит, а Трокмортон с неопределенным статусом остался в стане гугенотов, в декабре присутствовал при неудачной для них битве при Дрё и был взят в плен войсками герцога Гиза. Вскоре последовало убийство Гиза, оно привело к перегруппировке сил в обеих партиях.

Задачей Трокмортонa, вырвавшегося теперь из плена, было сохранить Гавр. С этой целью он привез адмиралу Шатийону 20 тыс. ф. ст. для оплаты наемных германских рейтаров. 3 июня 1563 г. в городе вспыхнула эпидемия чумы, от которой погибла большая часть гарнизона и прибывших подкреплений. 22 июля город капитулировал. Интервенция окончилась полной неудачей, а Трокмортон, снова сменивший занятия разведчика на ремесло дипломата, отправился как ни в чем не бывало в Руан для переговоров с Екатериной Медичи об улаживании досадных недоразумений между английским и французским дворами. Флорентийка пришла в ярость от этой бестактности – или очень ловко изобразила гнев – и, придравшись к тому, что у Трокмортонa по-прежнему не было пропуска, попросту посадила его под арест. Трокмортон провел в заключении 10 месяцев. Терпение не принадлежало к числу его добродетелей, все это время он обвинял Томаса Смита в том, что тот не предпринимает должных усилий для освобождения своего коллеги.

Фламандец бани и великомученики

После казни Анны Болейн – второй жены Генриха VIII и матери Елизаветы I – ее брак с королем был признан незаконным (а в глазах католиков он был таким с самого начала, так как папа не разрешил Генриху развод с его первой женой). Поэтому права Елизаветы на престол могли быть поставлены под сомнение. Их и начал оспаривать испанский король Филипп II. Предъявлять свои притязания на трон, как отмечалось, стала и шотландская королева Мария Стюарт. После смерти своего мужа, французского короля Франциска II, она вернулась на родину. Здесь, следуя мимолетной прихоти, королева второй раз сочеталась браком с красивым, но ничтожным Генри Дарнлеем. Однако вскоре она вместе со своим любовником герцогом Босвелом избавилась путем убийства от ставшего ей в тягость мужа. Объявив о своем браке с Босвелом, Мария окончательно рассорилась с шотландскими лордами и потерпела поражение в начавшейся открытой войне с ними. Марию заключили в тюрьму, откуда она бежала летом 1568 г. в Англию. Ненавидевшая ее Елизавета быстро превратила свою «дорогую сестру» в пленницу, находившуюся в почетном заключении, которое, впрочем, постепенно становилось все менее почетным.

Романтический образ шотландской королевы, ее трагическая судьба не раз вдохновляли поэтов и писателей от Шиллера до Стефана Цвейга. Их занимала острота коллизии между обольстительной, пылкой, способной на безрассудные поступки Марией и некрасивой, трезвой, расчетливой Елизаветой. Эти столкнувшиеся в смертельной битве женщины связали себя с двумя могучими враждебными началами – с уходящим феодализмом и новым, нарождающимся буржуазным строем. Борьба двух королей была столкновением контрреформации и Реформации, конфликтом между стремившейся к мировому господству католической Испании и быстро набиравшей силы протестантской Англией.

Пока Мария Стюарт жила в Англии, пусть в заточении, шотландская королева оставалась главой всех католических интриг, особенно опасных из-за поддержки могущественной Испании и всей католической Европы. А ведь значительная часть английского населения в это время еще была католической, в том числе немало дворянских семей, особенно на севере страны.

Однажды в 1571 г. в таможене портового города Дувр был подвергнут осмотру багаж молодого фламандца Шарля Байи. Он не впервые приезжал в Англию и отлично владел английским языком. Можно было бы добавить, хотя это вряд ли тогда было известно таможенным служащим, что Байи столь свободно говорил по-французски и по-итальянски, что в Англии его принимали за англичанина, а в Шотландии – за шотландца. Он легко мог выдавать себя, не возбуждая подозрений, и за знатного дворянина, и за купца, и за актера – словом, принимать самые различные обличья. Собственно, таможенники в этот раз не обратили бы особого внимания на приезжего, если бы заранее не получили предписания об обыске от главного министра королевы Елизаветы Уильяма Сесила, лорда Берли, смертельного врага католической партии и Марии Стюарт. Шпионы Берли, возглавлявшего тайную службу Елизаветы, давно присматривались к поездкам слишком уж расторопного и ловкого иностранца. Обыск дал желаемые результаты. В багаже Байи были обнаружены письма и шифрованные бумаги, которые уже много месяцев стремился заполучить Берли...

Подходил к концу третий год пребывания королевы Марии Стюарт в Англии, и ее друзья не дремали. Находившаяся под арестом королева имела в своем арсенале могучее средство привлекать и очаровывать недавних врагов. И этим средством было не столько воспетое поэтами очарование шотландской королевы и не защита ею старой католической веры, сколько соблазнительные надежды браком с пленницей открыть себе дорогу к шотландской, а может быть, – кто знает? – и к английской короне. Перед этим соблазном не устояло не только несколько католических дворян, ему поддался могущественный, хотя и недалекий, гер-

цог Норфолк, протестант и едва ли не самый богатый вельможа в Англии. Когда Сесил сообщил Елизавете, что Норфолк, назначенный членом комиссии, расследовавшей роль Марии Стюарт в убийстве мужа, перешел на ее сторону, гневу английской королевы не было предела. Неловко пытавшийся прикрыть свою измену Норфолк в присутствии Елизаветы дурно отзывался о Марии Стюарт. Намекая на ее участие в убийстве Дарнлея, герцог говорил, что он не привык ночью ожидать удара из-за угла. «Милорд, – сухо заметила Елизавета, – присмотритесь получше к подушке, на которую склоняете свою голову».

Норфолк был арестован и посажен в лондонский Тауэр – тюрьму для государственных преступников, где его сторонники пытались поддерживать с ним сношения, пересылая записки в винных бутылках.

Поднятое на севере католическое восстание было подавлено. Тысячи участников восстания были повешены без всякого суда. Берли приказал, чтобы тела повешенных висели «до тех пор, пока они не развалятся на куски». Главари восстания графы Уэстморленд и Нортумберленд укрылись в Ирландии. Правда, их ближайший советник сэр Роберт Констебл стоял за возвращение в Англию. Он убеждал Уэстморленда, что его наверняка помилют. Граф Уэстморленд, конечно, не знал, что Констебл был шпионом Берли, уполномоченным истратить крупную сумму – 1000 ф. ст. – для поимки руководителя католиков на севере. Тем не менее Уэстморленд предпочел бежать в Испанию. Нортумберленд через два года вернулся в Англию и сложил голову на плахе, а Норфолк, против которого не имелось прямых улик, был пока выпущен из Тауэра, но оставлен под домашним арестом.

Однако заговорщики продолжали действовать. Папа римский Пий V в специальной булле отлучил Елизавету от церкви, к которой она, впрочем, и не принадлежала, будучи протестанткой, объявил королеву Англии низвергнутой с престола. Главой заговорщиков стал шотландский католический епископ Росский Джон Лесли. Он принадлежал к числу придворных Марии Стюарт, которых ей разрешили сохранить при себе. Официально Лесли считался послом шотландской королевы в Англии. Другим важным участником заговора был итальянский банкир Ридольфи, являвшийся одновременно агентом папы, Филиппа II и его наместника в Нидерландах кровавого герцога Альбы. (Поэтому позднее стали говорить о «заговоре Ридольфи».) Итальянец заручился согласием Норфолка содействовать испанскому вторжению в Англию. Герцог обещал поднять восстание и держаться 40 дней против королевских войск, если ему дадут денежную субсидию и обязуются поддержать его высадкой вспомогательной испанской армии численностью 6 тыс. человек.

Ридольфи побывал во Фландрии у герцога Альбы, в Мадриде и Риме. Альба, правда, был настроен скептически, считая, что тайна, в которую уже посвящено слишком много людей, не может быть сохранена и что это обрекает на неуспех планы заговорщиков. Он рекомендовал Филиппу II подумать об устранении Елизаветы путем убийства. После этого Ридольфи направил Байи с шифрованными письмами к Лесли, Норфолку и еще одному заговорщику – лорду Лэмли. Байи вез и тщательно припрятанный ключ к шифру, а также напечатанное во Фландрии сочинение Лесли «Защита чести Марии, королевы Шотландской», в котором недвусмысленно выдвигались ее права на английский престол.

Вот с каким опасным грузом задержали Байи дуврские таможенники. Уже провоз мятежных книг на английском языке представлял собой достаточное основание для ареста. Фламандца вместе со взятыми у него письмами и бумагами под охраной отослали в резиденцию губернатора южных портов лорда Уильяма Кобгема. По дороге Байи удалось послать Лесли весть о своем аресте.

При осмотре писем выяснилось, что в них не указаны фамилии адресатов, а лишь выставлены цифры 30 и 40. Байи утверждал, что его попросили перевезти письма и что ему неизвестны ни шифр, ни значение этих цифр. Однако вскоре был обнаружен шифр – его отыскали, разрезав подкладку камзола Байи. Таким образом, в руки Кобгема попали нити опаснейшего

заговора, который сплела контрреформация против правительства Елизаветы. Губернатор, которому было еще неизвестно, что скрывалось за цифрами 30 и 40, намеревался немедленно доставить захваченные бумаги лорду Берли. Услышав об этом, Байи как-то странно посмотрел на присутствовавшего при допросе родного брата губернатора Томаса, который недавно втайне принял католичество. Тот понял значение этого взгляда и сказал, что если эти бумаги попадут к Берли, то герцог Норфолк – конченный человек. Однако ни Томас, ни Байи не осмелились разъяснить Кобгему, почему адресаты, помеченные таинственными цифрами 30 и 40, затрагивают могущественного герцога. Губернатор решил ехать к Берли.

По дороге, в лодке, Томас снова начал с жаром убеждать брата не передавать бумаги Берли. Эти просьбы тем более имели вес, что сам Уильям Кобгем находился в какой-то связи с Ридольфи и боялся, что главный министр так или иначе докопается до этого обстоятельства. Но как скрыть от Берли и его вездесущих тайных соглядатаев бумаги, официально конфискованные таможенниками и привезенные ими Кобгему? Лодка подплыла к дому министра. Продолжавший колебаться Кобгем отдал книги, захваченные при аресте Байи... и с письмами вернулся домой. Надо было на что-то решиться. Вместо того чтобы передать письма Берли, Кобгем переслал их к Лесли с вежливым письмом, содержащим просьбу к епископу как к послу иностранной государыни явиться завтра к нему и вместе распечатать таинственную корреспонденцию. Ловкому прелату и не требовалось ничего больше. Он без промедления прибыл в испанское посольство, где вместе с послом доном Герау Деспесом занялся спешной фабрикацией поддельных писем, которые должны были заменить настоящие. Фальшивые были написаны тем же шифром, что и подлинные. В них сохранялся враждебный в отношении Елизаветы тон, но были выброшены все указания на существование заговора. Несколько других писем, вроде письма Марии Стюарт дону Герау, было дополнительно вложено в пакет, чтобы окончательно усыпить подозрительность Берли. Настоящие же письма были отправлены Норфолку и лорду Лэмли. После того как сфальсифицированная корреспонденция была переслана Берли, Лесли для пущего правдоподобия даже официально потребовал ее выдачи, ссылаясь на неприкосновенность дипломатической переписки.

Берли на некоторое время был обманут фальшивыми письмами. Однако его поразили наглый тон книги Лесли, за которым должны были скрываться какие-то далекоидущие планы. Кроме того, подозрительность министра питали и донесения посланного им во Фландрию разведчика Джона Ли. Он выдавал себя за католика, бежавшего от правительственных преследований, и втерся в круг католических дворян, эмигрировавших из Англии и активно участвовавших в заговорах против Елизаветы. Но Берли не любил ненужной поспешности. Он придерживался принципа «бросать камень так, чтобы не было видно кинувшей его руки». Из предосторожности он отправил Байи в тюрьму Маршалси, хотя узнавший об этом Лесли тщетно доказывал, что фламандец является его слугой и пользуется дипломатическим иммунитетом.

Берли решил продолжать игру и перехитрить своих врагов. Главным его козырем были арест Байи и опасение Лесли и дон Герау, что их связной сообщит что-либо противоречащее той версии, которую они довели до сведения Берли с помощью фальшивых писем. Берли ожидал, что будут предприняты попытки установить связь с Байи, и не ошибся в своих предположениях. Сначала дон Герау послал верного человека к фламандцу, потом Лесли направил к нему ирландского священника. Оба они не вернулись. А тут неожиданно подвернулось счастливое обстоятельство...

Темной ночью в мрачную сырую камеру, где на вязанке соломы лежал, дрожа от холода, Байи, неожиданно проникла какая-то фигура. Заключенный с радостью узнал своего старого знакомого. Да, это был Уильям Герли, которого благочестивые католики считали святым великомучеником. Двоюродный брат леди Нортумберленд, жены предводителя недавнего католического восстания, Герли за участие в этом выступлении был брошен в тюрьму. Заключен-

ные и посетители тюрьмы Маршаллси видели, как несчастного страдальца заковали в тяжелые цепи и неделями держали в подземных темницах на хлебе и воде. Католики, включая епископа Росского и дона Герау, считали Герли невинной жертвой протестантов. Многие пытались даже заручиться советами или благословением узника в благочестивой уверенности, что на него нисходит дух Божий. Последнее доказать, конечно, трудно. Доподлинно известно другое: Герли находился на постоянном жалованье у лорда Берли; не установлено только, пытался ли он требовать прибавки за свою славу святого. Во всяком случае, он предлагал принять участие в похищении или убийстве любого человека по желанию лорда Берли. К услугам столь любезного человека и обратился министр.

Все это, конечно, было неизвестно Байи, который в ответ на сообщенные Герли «важные тайны» поведал ему много такого, о чем с живейшим интересом утром узнал любознательный Уильям Сесил. Но спрос на услуги великомученика быстро возрастал. К святому обратился Лесли и попросил, учитывая, что Герли разрешили свидания с посетителями, послужить связным между епископом и Байи.

Герли с готовностью вызвался уважить желание достойного прелата. С писем, которые он носил от Лесли к Байи и от Байи к Лесли, разумеется, снимались точные копии в канцелярии лорда Берли. Эти письма, однако, были шифрованными, и шифр раскрыть не удавалось. А святой при очередной встрече с Байи не совсем ловко сыграл свою роль и проговорился. Байи понял, что перед ним правительственный шпион. Министр тогда приказал привезти Байи к себе и потребовал от него расшифровать свою корреспонденцию с Лесли. Фламандец уверял, что потерял ключ к шифру. Тогда Берли приказал перевезти пленника в Тауэр, чтобы надежно изолировать его от других заговорщиков, и там подвергать пытке до тех пор, пока он не откроет содержания шифрованных писем.

На стене камеры Байи сохранилась вырезанная им надпись, помеченная 10 апреля 1571 г.: «Мудрым людям следует действовать с осмотрительностью, обдумывать то, что они намерены сказать, осматривать то, что они собираются брать в руки, не сходить с людьми без разбору и превыше всего не доверять им опрометчиво. Шарль Байи». Однако, как мы увидим, автор плохо вник в смысл того поучения, которое он вывел из своего знакомства с Томасом Герли...

На протяжении апреля и мая 1571 г. Байи подвергали допросу под пыткой, впрочем, по понятиям закаленных на этот счет современников, не очень суровой. Дон Герау, с понятным вниманием следивший за событиями, деловито сообщал, что «Байи более напугали, чем нанесли ему телесные повреждения». Лесли не мог разделять хладнокровное спокойствие испанца: тому в самом худшем случае угрожала высылка на родину, а для епископа с его сомнительным титулом «посла» арестованной Марии Стюарт вполне реально вырисовывалась перспектива самому познакомиться с прелестями Тауэра. Поэтому неудивительно, что он всячески старался укрепить дух Байи, посылая ему постельные принадлежности, вкусную пищу и, главное, постоянные напоминания о том, как вели себя в языческих темницах христианские святые, прославившие церковь.

По-видимому, «святые» действительно никак не желали оставить в покое злополучного фламандца. Трюк с Герли оказался настолько удачным, что Сесил решил попробовать еще раз. А чтобы преодолеть естественное недоверие Байи, решили обратиться к услугам святого, репутация которого стояла вне всяких подозрений. В Тауэре в это время сидел доктор богословия Джон Стори. Католический фанатик, призывавший к убийству Елизаветы, после ее восшествия на престол бежал во Фландрию и сделался испанским подданным, продолжая там плести сети заговоров против английского правительства. Герцог Альба поручил Стори богоугодное дело – обыскивать корабли в Антверпене и конфисковывать протестантские книги, которые пытались контрабандой провезти во владения испанского короля. Однажды, когда почтенный доктор богословия явился на один из кораблей, команда неожиданно подняла

якорь и на всех парусах направилась в английский порт Ярмут. Это было судно, специально посланное для того, чтобы изловить Стори и доставить в Англию. Суд приговорил Стори, как изменника, к смерти. Но Елизавета в эти годы еще играла в милосердие и отказывалась подписывать смертные приговоры за политические преступления. (Тысячи участников восстания на севере были казнены без суда, да к тому же это ведь были простые крестьяне!) Как бы то ни было, Стори продолжал сидеть в Тауэре, ожидая своей участи, а авторитет его среди рьяных католиков возрастал с каждым месяцем заключения.

Правда, доктор Стори, с готовностью выполнявший поручения герцога Альбы, не годился на роль агента лорда Берли. Но министр не привык останавливаться перед такими пустяками. Ведь Байи не знал Стори в лицо; фламандцу было лишь известно, что почтенный доктор сидит в одной из соседних камер. Роль Стори было поручено сыграть одному из ловких разведчиков Сесила, некоему Паркеру (тому самому, который организовал похищение богослова из Антверпена).

Ночью перед дремавшим Байи возникла худая длинная фигура нового святого. Можно ли было сомневаться в докторе Стори? Тем более что он ведь ни о чем не спрашивал Байи, а лишь жалел и сокрушался о несчастьях, постигших фламандца. И не только сокрушался, но и дал Байи мудрый совет, как избежать предстоящей ему назавтра более суровой, чем прежде, пытки и вместе с тем верно послужить римской церкви и королеве Марии. Байи следует наняться на службу к лорду Берли и начать за ним шпионить, сообщая добытые сведения епископу Росскому. А поступить к Берли на службу будет очень нетрудно: дело в том, что министр уже узнал каким-то образом ключ к шифру. Так что Байи лучше всего будет раскрыть этот шифр, все равно уже известный, и таким путем войти в доверие к Берли... Байи поддался на соблазнительное предложение избегнуть пытки и в то же время помочь заговорщикам. На другой день он открыл ключ к шифру и был крайне поражен, когда понял, что полностью выдал своих доверителей. Предложение поступить на службу к Берли было также, конечно, отвергнуто, к неменьшему удивлению Байи. Злополучному фламандцу теперь оставалось лишь заполнять каменные стены своей темницы нравоучительными сентенциями о вреде нетерпения, которые он составлял на английском, французском и латинском языках. (Его освободили через несколько лет и выслали на родину.)

Однако Байи не знал и не мог поэтому выдать самого главного секрета – кто скрывался за цифрами 30 и 40. Берли попытался это выведать у самого Лесли с помощью нашего старого знакомого Томаса Герли. Епископ Русский, так как ему не передавали никаких сведений от Байи, не подозревал о подлинной роли Герли и продолжал поддерживать с ним связь через верных людей. Однако, сколько ни жаловался, потрясая кандалами, мученик на преследования со стороны нечестивого министра еретической королевы, посланец епископа не мог ему сообщить значение двух таинственных цифр. Да и письма, которые можно было расшифровать, были ведь фальшивые – это теперь стало ясным для Берли. Нужно было овладеть подлинными письмами.

Вскоре епископ получил письмо от Герли. Почтенного человека, как стало известно Лесли, снова допрашивали и угрожали пыткой. Герли в своем письме просил о помощи и доверии со стороны епископа. Тот, несмотря на полное сочувствие мукам страдальца, все же не видел причин для сообщения ему содержания своей секретной корреспонденции.

Делать нечего, по приказу Тайного совета Лесли был арестован и подвергнут допросу относительно писем, которые привез Байи, и поручений, которые давались Ридольфи. Епископ попытался вывернуться с помощью нового обмана, заявив, что 30 означает дона Герау, а 40 – Марию Стюарт и что оба этих письма он сжег. Что же касается писем, которые были посланы с Ридольфи, то они, по уверению Лесли, содержали просьбу о помощи со стороны папы римского и герцога Альбы для борьбы против врагов Марии Стюарт в Шотландии. Иначе говоря, епископ

отчаянно пытался замести следы своего участия в заговоре против Елизаветы и скрыть само существование этого заговора.

Берли, конечно, не поверил ни одному слову в показаниях епископа Росского. Но министр все еще не знал, кто действительно скрывался за двумя цифрами. Пока что Лесли, учитывая его сан и становившуюся, правда, призрачной роль «иностранный посла», посадили под арест в резиденции одного англиканского епископа. Строгость заключения, в котором содержалась Мария Стюарт, заметно возросла, ее слугам было запрещено после заката солнца покидать место заключения королевы.

Борьба продолжалась. Испанский Государственный совет, получив предложение герцога Альбы, стал обсуждать различные планы убийства Елизаветы. Ридольфи был принят с почетом в Риме и Мадриде. Со своей стороны Берли продолжал настойчиво стремиться к обнаружению всех нитей заговора. Для этой цели был неожиданно использован Джон Хокинс – один из «королевских пиратов», которые с фактического соизволения Елизаветы вели на море необъявленную войну против Испании, захватывая нагруженные золотом и серебром испанские корабли на пути из колоний на родину. Чтобы освободить своих матросов, попавших в плен к испанцам и томившихся в тюрьмах инквизиции, Джон Хокинс сделал вид, что решил вернуться в лоно католической церкви. Получив аудиенцию у Марии Стюарт, он послал в Мадрид своего агента Джорджа Фитцуильяма, который привез с собой рекомендательное письмо от шотландской королевы. Обманутый Филипп II отдал распоряжение освободить английских моряков и выдать каждому из них по 10 дукатов. Испанский король приказал также передать Хокинсу патент на титул испанского гранда и, что важнее, большую сумму денег – целых 40 тыс. ф. ст. В свою очередь Хокинс обещал перейти со своим флотом на сторону Испании. В сентябре или октябре 1571 г. английские корабли должны были уйти во фландрские порты и предоставить себя в распоряжение герцога Альбы. 4 сентября Хокинс с удовлетворением писал Берли о своих испанских партнерах по переговорам: «Я надеюсь, Господь Бог разрушит их планы и они сломают себе шею из-за собственных умыслов».

Оставалось лишь не до конца ясно, кто должен был, по мнению Хокинса, ломать шею. Вернее, бравый моряк считал, что это будет зависеть от обстоятельств. Берли знал, что Хокинс завел переговоры с испанцами по собственному почину, и, лишь когда о них стало известно Тайному совету, начал действовать по уполномочию правительства Елизаветы. Но Берли не было ведомо, что Хокинс сообщил далеко не все ему известное о планах испанского вторжения. Капитан пиратов оставлял себе возможность в случае успеха Альбы выполнить договор с испанцами, который пока что Хокинс заключил с целью обмануть их по поручению Берли. Однако дела пошли так, что патриотизму Хокинса не пришлось выдерживать серьезное испытание.

Но вернемся, однако, к «заговору Ридольфи». Берли был осведомлен об испанских планах и до получения письма Хокинса – министру писали об этом из-за рубежа английские дипломаты и тайные агенты. В сообщениях называлось имя Норфолка. В это время Берли снова пришел на помощь счастливый случай. Мария Стюарт просила французский двор о финансовой помощи для борьбы против своих шотландских врагов. Французский посол передал доставленную ему из Парижа крупную денежную сумму Норфолку, а тот приказал своему секретарю Хидкорду отослать полученные деньги в Шропшир, откуда их должны были переправить в Шотландию. Хидкорд попросил направлявшегося в Шропшир купца доставить туда небольшой мешок с серебряной монетой для передачи управляющему одного из имений герцога. Тот охотно согласился выполнить такую вполне обычную просьбу. Однако по дороге у него возникли подозрения – мешок оказался тяжелым. Купец сломал печать на мешке. В нем лежало много золота и зашифрованное письмо. Путник повернул обратно и передал неожиданную добычу Берли. Хидкорд был немедленно арестован, но утверждал, что не знает ключа к шифру. Однако испуганный слуга Норфолка тут же сообщил о существовании тайника в

спальне герцога. Посланные Берли полицейские чины обнаружили в тайнике зашифрованное письмо Марии Стюарт относительно планов Ридольфи. После этого Хидкорд сдался и выдал ключ к шифру письма, обнаруженного в мешке с золотом.

Той же ночью Норфолк был арестован и отправлен в Тауэр. Вначале он занял позицию полного отрицания, но потом, объятый страхом за свою жизнь, обещал рассказать обо всем. Берли послал Норфолку длинный вопросник. Вскоре вместо ответа комендант Тауэра принес перехваченное письмо герцога, которое он пытался послать со своим слугой. В этом письме герцог давал указание сжечь его зашифрованную переписку. После этого Берли уже мог действовать более уверенно. Один из секретарей Норфолка сразу же сознался и указал, где хранятся письма Марии Стюарт, другой пытался запереться, но его вынудили под пыткой к признанию. Арестованных слуг герцога разместили в тюрьме Маршалси, где их заботливым другом (и внимательным слушателем) оказался наш знакомец Томас Герли. Он работал, превратив мученичество в золотую жилу.

Теперь очередь дошла и до Джона Лесли. Он попытался отделаться рассказами, пока ему не дали понять, что речь идет о сохранении его собственной жизни. Это было больное место епископа. Лесли если и устраивал путь на голгофу, то только в духе Томаса Герли. Почтенный прелат не был особо рьяным врагом чревоугодия (сохранились инструкции, которые он, уже находясь в тюрьме, давал своим слугам относительно приготовления для него обильных трапез). Не был Джон Лесли и аскетом – злые языки даже приписывали ему трех незаконных детей. Словом, Лесли не надо было дважды повторять и так весьма недвусмысленно сделанный намек. «Глупо скрывать правду, увидев, что дело раскрыто», – нравоучительно заметил при этом епископ Росский.

Он сообщил все, что знал: об участии Марии Стюарт и Норфолка в подготовке недавно подавленного католического восстания на севере, о планах нового восстания – на этот раз в Восточной Англии – и намерении захватить Елизавету. Но Лесли не ограничился этим. По своей собственной инициативе он, пытаясь сделать приятное Елизавете, объявил, что, как ему доподлинно известно, Мария Стюарт знала об убийстве своего мужа Дарнлея (в чем ее обвиняли в Англии и что она упорно отрицала). Более того, с элегантностью опытного придворного Лесли в качестве епископа католической церкви тут же настроил послание Марии Стюарт, отечески увещевая ее и призывая отказаться от заговоров, уповая на милость Божию и королевы Елизаветы. «Этот поп – живодер, страшный поп!» – воскликнула в ярости шотландская королева, получив епископские излияния. Лесли написал также льстивую и сервильную проповедь в честь Елизаветы. После этого епископ Росский мог уже не бояться карающей длани английского правосудия. Правда, ему приходилось опасаться другого: как бы Елизавета не выдала его правительству Шотландии в обмен на арестованных там участников английского католического восстания. Но в конце концов главного из этих пленников шотландцы продали английским властям за 2 тыс. ф. ст.

Теперь уже епископ Росский мог с философским спокойствием наблюдать за дальнейшим развитием событий. 2 июля 1572 г. из своего окна в Тауэре он имел возможность взирать на казнь герцога Норфолка. Это зрелище навело его лишь на элегические размышления о том, что Норфолку вряд ли было бы лучше, если бы ему удалось стать мужем Марии Стюарт. В беседе с доктором теологии Томасом Вильсоном он разъяснил, что шотландская королева отравила первого мужа, убила с помощью любовника второго и пыталась таким же способом отделаться от соучастника ее преступления.

Дон Герау после неудачной попытки убрать с дороги лорда Берли покинул Англию. (Некоторые историки – преимущественно из числа иезуитов – склонны считать, что Ридольфи был агентом-двойником, провокатором, выполнявшим приказы Уильяма Сесила.)

Так окончился знаменитый «заговор Ридольфи». Но может быть, читатель захочет узнать о дальнейшей судьбе епископа Лесли после его освобождения из Тауэра и отъезда во Фран-

цию? О, эта жизнь была потом заполнена трудами на благо многих – и королевы Елизаветы, и Филиппа II, и французского короля Генриха III, и римского папы... Словом, на пользу всякого, кто, как надеялся почтенный епископ, мог бы обеспечить его достойной пенсией и добиться возвращения земель, конфискованных у него в Шотландии. А так как цели всех этих лиц были, как правило, прямо противоположными, то Лесли неоднократно уличали в двуличии, в занятии шпионажем, в воровстве и подделке государственных бумаг и во многом, многом другом. Но, как и следовало ожидать, достойный прелат оказался выше того, чтобы обращать внимание на эти нападки, раз они не грозили более ощутимыми неудобствами.

Ищейки Уолсингема

В 1572 г. Берли, заняв пост лорда-канцлера (главы правительства), передал непосредственное управление разведкой Фрэнсису Уолсингему, сохранив за собой общее руководство. Уолсингем родился около 1532 г. в семье видного юриста. По матери Уолсингем находился в родстве, впрочем очень отдаленном, с Марией Болейн, старшей сестрой Анны Болейн, и, следовательно, с теткой королевы Елизаветы. Фрэнсис Уолсингем много учился – сначала в Кембридже, потом в коллегии адвокатов. Годы правления Марии Тюдор он провел за границей, изучая право в Падуанском университете, где терпимо относились к протестантам. В эти годы Уолсингем нередко встречался с членами тогда еще молодого «Общества Иисуса». Интересуясь искусством государственного управления, Уолсингем изучал знаменитый труд Никколо Макиавелли «Государь», пополнял свои знания в беседах с такими знатоками дела, как венецианские и флорентийские политики. Несомненно, что Уолсингем внимательно присматривался к организации разведки в итальянских государствах, считавшейся образцом для всей Европы. Молодой англичанин даже внешне напоминал смуглых, черноволосых сыновей жаркой Италии. Елизавета прозвала его «мавром».

В 1560 г. Уолсингем вернулся в Англию, но несколько лет вел жизнь сельского сквайра. На королевскую службу он поступил только в 1568 г. и сразу же завоевал доверие Сесила. В частности, Уолсингем стал получать донесения из-за рубежа о подготовке Гизами покушения на королеву. В одном из таких сообщений британский посол в Париже Норрис рекомендовал в качестве ценного агента некоего капитана Франсуа. Это был псевдоним Томмазо Франсиотто, протестанта из города Лукка, который 40 лет работал на французскую разведку, а позднее стал одним из лучших шпионов Уолсингема. Еще летом 1568 г. Уолсингем договорился с лордом-мэром Лондона о еженедельном составлении списка иностранцев, которые снимали помещения в столице, чтобы выявить среди них возможных заговорщиков. В декабре 1568 г. Уолсингем писал Сесилу, что при существующих условиях «менее чреваты угрозой излишние, чем недостаточные, опасения» и что «нет ничего более угрожающего, чем (мнимая) безопасность». С 1570 по 1573 г. Уолсингем занимал пост английского посла в Париже и был свидетелем Варфоломеевской ночи. Вслед за своим предшественником Николасом Трокмортонем Уолсингем завел шпионов, следивших как за действиями французского правительства, так и за интригами в Париже англичан и ирландцев, принадлежавших к лагерю врагов Елизаветы. В числе агентов посла был ирландский капитан Томас, выдававший себя за эмигранта-католика. Ему было поручено следить за попытками архиепископа Кэшела установить связи с французским двором. Впрочем, в течение этих лет Уолсингем в основном руководил людьми, принятыми на службу лордом Берли. Однако в последующие десятилетия он создал свою разветвленную разведывательную сеть.

Ревностный кальвинист, верящий в предопределение, Уолсингем был искренне убежден, что принадлежит к числу избранных Божьих. Он не брезговал услугами профессиональных преступников, авантюристов, головорезов, в которых не ощущалось недостатка ни в одном из европейских городов. Это ведь была чернь, на которую не распространялась милость Господня. Не очень важно, если они обременят лишним смертным грехом свою душу, и так обреченную на вечное проклятие. Уолсингем даже сформулировал такой принцип: «Если бы не было негодяев, честные люди едва ли бы могли узнать что-либо о злоумышлениях, направленных против них». А обеспечивать верность человеческого отребья нельзя иначе, как страхом и золотом. «За нужные сведения никогда нельзя платить слишком дорого» – таков был девиз Уолсингема. Он был сторонником бескомпромиссной борьбы против Филиппа II, иногда даже вступая в пререкания с более осторожным Берли. Елизавета не раз упрекала Уолсингема в стремлении ускорить войну с Испанией ради интересов его приятелей-пуритан, критиковавших государ-

ственную англиканскую церковь за то, что она сохранила многое от католицизма. «Не хочу войны, не хочу войны!» – кричала она во время одного приема, одергивая своего слишком воинственного «мавра». Тем не менее королева полностью доверяла уму и опыту своего шефа секретной службы.

В конце 70-х и в 80-х гг. план Филиппа II и его союзников – германского императора, римского папы – и всех сил католической контрреформации оставался, по существу, прежним: уничтожить очаг ереси в голландских и бельгийских владениях испанской короны. Для этого необходимо было лишить Нидерланды возможности получать помощь от Англии, свергнуть с престола Елизавету, возвести на английский трон Марию Стюарт, предлагавшую свою руку испанскому королю, и таким образом установить полную гегемонию Испании и католицизма. Раздираемая религиозными войнами Франция не могла быть серьезным препятствием на пути осуществления этих планов. В случае если бы не удалось свергнуть Елизавету с помощью тайной войны, в резерве оставался план высадки в Англии испанской армии, считавшейся тогда лучшей в Западной Европе.

Англия стремилась сорвать эти планы прежде всего организацией непрерывной войны против испанского судоходства. Захват и ограбление испанских кораблей английскими корсарами ослабляли Испанию и заметно увеличивали ресурсы Англии, служили прямому обогащению имущих классов – от лондонских купцов до самой Елизаветы – тайного пайщика компании «королевских пиратов». В задачу британской секретной службы входили прежде всего предотвращение заговоров, наблюдение за подготовкой к высадке в Англии испанской армии и сбор информации, которая облегчила бы английским пиратам войну на море. Разведывательная сеть Уолсингема в целом весьма успешно справилась со всеми этими заданиями.

Смиренный монах, учившийся в иезуитском колледже в Дуэ или Сен-Омере, английский дворянин, вернувшийся в лоно католической церкви богатый итальянец, портовый чиновник в Малаге или путешествующий французский купец, парижский дуэлянт или студент одного из знаменитых германских университетов – за каждым из них мог скрываться разведчик Уолсингема. У него были агенты разного профиля: «просто» шпионы, шпионы-provokatory, специалисты по дешифровке, мастера подделки писем и печатей. Так, например, в 1580 г. на континент отправился некто Джон Следд. Месяцами он странствовал в компании католических священников, бежавших из Англии, побывал в Риме и вернулся в Лондон с подробнейшим отчетом о 285 англичанах, находившихся за границей, – студентах, военных, купцах, священниках. В отчете были подробно указаны семейные связи этих лиц, приметы на случай, если придется заняться их поимкой, и т. д.

Одним из удачливых агентов шефа елизаветинской разведки был Энтони Мэнди – известный актер и драматург, оказавший, возможно, влияние на Шекспира. Мэнди родился в 1560 г. в семье лондонского книготорговца и уже в молодые годы добился успеха на сцене. В 1578 г. по поручению Уолсингема Мэнди отправился в Рим и, утверждая, что является католиком, под псевдонимом поступил в Английский колледж, который готовил миссионеров для засылки в Англию. Учеба Мэнди давалась легко, он получал всяческие поощрения от своих римских наставников, что не мешало ему выкраивать время и для составления подробных отчетов для своих лондонских начальников. В этих отчетах Мэнди сообщал имена воспитанников Английского колледжа, планы католических заговорщиков. По возвращении в Англию Мэнди принял участие – в 1581 и 1582 гг. – в розыске своих «одноклассников», которых хорошо знал в лицо. Услуги Мэнди получили должную оценку, его в числе некоторых особо заслуженных разведчиков вознаградили должностью при дворе. Многие его пьесы ставились в столичных театрах.

В числе агентов Уолсингема были драматург и актер Мэтью Ройстон, рано умерший талантливый драматург Уильям Фаулер и будущий знаменитый драматург Кристофер Марло, когда он еще учился в Кембриджском университете. Но об этом ниже.

Английская разведка, видимо, имеет приоритет в вербовке на службу писателей и актеров. Во всяком случае, в Англии такая традиция прочно удерживалась в течение по крайней мере двух веков после правления Елизаветы и если потом и прерывалась, то была полностью возрождена в XX столетии. С примерами «литературных» связей разведки нам придется еще не раз столкнуться.

У Уолсингема не было средств на содержание многочисленной агентуры, и он обращал внимание на профессиональные качества своих разведчиков, позволявшие им получить доступ к главным источникам политической и военной информации в Ватикане, Мадриде, в испанских гаванях, Нидерландах, где наместники Филиппа II готовили свержение Елизаветы с престола и покорение Англии. Так, в одно время Уолсингем получал информацию из 12 различных мест во Франции, из 9 – в Германии, из 3 – в Нидерландах, из 4 – в Испании, из 4 – в Италии (в том числе из Английского колледжа в Риме).

Сеть Уолсингема состояла из костяка в виде доверенных, постоянно используемых людей, число которых было, надо думать, сравнительно небольшим, и большего числа агентов, используемых от случая к случаю за скромную плату. Англия еще не была той богатой страной, какой стала впоследствии. Расчетливая Елизавета хорошо знала счет деньгам и отпускала их на секретную службу не очень-то щедро, значительно меньше, чем тратили другие крупные державы. Не раз ее послам, да и самому Уолсингему, со вздохом приходилось выкладывать из своего кармана деньги, которые не удавалось никакими усилиями выудить у скуповатой королевы. И тем не менее, когда речь шла о борьбе на главных участках непрекращавшейся тайной войны, денег не жалели. В 1587 г. Уолсингем получил 3300 ф. ст. – самое крупное ассигнование на секретную службу за все время правления Елизаветы. Наиболее отличившимся агентам давали пенсии и мелкие придворные должности.

Уолсингем не имел под рукой чиновничьего аппарата, которому мог бы передоверить руководство своей сложной машиной. Главный секретарь сам поддерживал связь со всей многочисленной агентурой. Ближайшими помощниками Уолсингема были его личные секретари – Фрэнсис Миллс и Томас Фелиппес. Этого Фелиппеса, низкорослого человека с рыжими волосами и изуродованным оспой лицом, мы еще не раз встретим. Фелиппес знал много иностранных языков. Его по праву считали непревзойденным специалистом в чтении зашифрованных текстов, а также в подделке чужих почерков, вскрытии писем без ломки печатей. В прошлом он имел какие-то столкновения с законом и был спасен Уолсингемом от наказания. Известен и третий доверенный эксперт Уолсингема – Артур Грегори. Он был специалистом по незаметному вскрытию писем и по фабрикации поддельных печатей.

Своеобразие века отразилось и в попытках совместить разведку с астрологией и даже с колдовством. Шекспировский Макбет, став королем Шотландии, говорит о неверных ему баронах (танах):

Во всех домах у знати кто-нибудь
Из челяди подкуплен мною. Завтра
С рассветом я отправлюсь к вещим сестрам –
Пусть больше скажут...

При широком распространении как раз в XVI и в начале XVII столетия веры в козни Сатаны и дьявольской челяди их нередко примешивали ко многим событиям тайной войны. В 1572 г. граф Шрюсбери, который был назначен сторожить Марию Стюарт, поручил своим шпионам разведать, где совершают шабаш «католические ведьмы». Он заподозрил их в намерении освободить шотландскую королеву. Лорд Берли заслал своего разведчика Даути в эскадру адмирала Френсиса Дрейка. Тот не мог открыто расправиться с Даути как со шпионом все- сильного министра и казнил его как чернокнижника, навлекшего бурю на английские корабли.

Нечистую силу часто подозревали в занятии шпионажем. Гадание по звездам тоже не раз переплеталось с тайной войной. Лорд Берли подослал к царю Ивану Грозному астролога Бомелия, которому царь, впрочем, поручил другое важное занятие – приготовление ядов. Однако Уолсингему, видимо, принадлежит приоритет в использовании гороскопов для нужд секретной службы. Практичный шеф разведки при этом совсем не стремился, подобно многим своим современникам, извлечь нужные сведения из астрологических прорицаний; он, напротив, хотел лишь использовать гороскопы для дезинформации, причем не только врагов, но и своей повелительницы королевы Елизаветы. Уолсингем это делал с целью отвлечь ее от невыгодного, по его мнению, внешнеполитического курса. Известно, что Уолсингем был противником планов брака Елизаветы с герцогом Анжуйским, а позднее с его младшим братом герцогом Алансонским. Гороскопы обоих возможных женихов составлял придворный музыкант и астролог Джон Ди, который не раз выполнял важные разведывательные поручения Уолсингема. Позднее, когда к берегам Англии вот-вот должна была двинуться Непобедимая армада Филиппа II, Ди «предсказывал» бури, которые рассеют вражеский флот. Это делалось с целью помешать вербовке английских и ирландских католиков в испанские войска.

Даже после раскрытия «заговора Ридольфи» было очевидно, что ни сам Филипп II, ни его наместник в Нидерландах герцог Альба не проявляли склонности к полному разрыву с правительством Елизаветы и к оказанию значительной военной поддержки возможному католическому мятежу в Англии. Несомненно, что скованность войск Альбы в Нидерландах играла важную роль в определении позиции Филиппа, но были и другие веские причины: прежде всего давнишнее соперничество с Францией, в борьбе против которой было важно обеспечить хотя бы нейтралитет, а в лучшем случае – даже поддержку Елизаветы. С другой стороны, большинство членов английского Тайного совета и прежде всего, конечно, сам Берли склонялись к мысли, что вовсе не следует вести дело к открытому противостоянию протестантизма и католической контрреформации, которое могло бы объединить Испанию и Францию против Англии. Вместе с тем усиление освободительной борьбы в Нидерландах против Испании поставило английское правительство перед необходимостью принятия важных политических решений. Разрешая добровольцам из Англии вступать в ряды голландских повстанцев – морских гёзов и в войска Вильгельма Оранского, в Лондоне опасались, что их успехи будут способствовать вторжению французских войск в южные провинции Нидерландов, во Фландрию. А захват ее французами считался английским правительством еще более нежелательным, чем даже победы герцога Альбы.

В начале июня 1572 г. Берли составил меморандум по фландрскому вопросу, возможно предназначенный для его коллег по Тайному совету. Этот меморандум показывает, между прочим, насколько прямо разведка ставилась на службу текущим задачам дипломатии. В меморандуме предусматривались такие меры, как засылка агентов во Флессинген и Бриль для выяснения настроений населения и обследования оборонных сооружений, направление доверенных людей к графу Людвигу Нассаускому и в Кельн для определения намерений немецких князей. Одновременно фиксировалась задача определить, в состоянии ли Альба противиться натиску французов. Если да – то нужно предоставить обеим сторонам право самим решать свои споры, если нет – то для избежания перехода во французские руки фландрских портов надлежит секретно сообщить испанскому наместнику о намерении Англии прийти к нему на помощь. От «кровавого герцога» следует лишь попросить заверения, что он предполагает освободить жителей Фландрии от непереносимого угнетения и не вводит там инквизицию.

Вскоре за тем пришло известие о кровавой Варфоломеевской ночи в Париже, вызвавшее большое возбуждение среди английских протестантов. Разъяснения французского посла Ламота Фенелона, что гугеноты понесли наказание за заговор против законной власти, а не за свою веру, призывавшего к сохранению союзных отношений, встречались очень холодно Елизаветой и лордом Берли. Фенелон протестовал против тайной английской помощи бунтов-

щикам – протестантам Ла-Рошели. В этих условиях, по-видимому, французский двор задумал какую-то сложную каверзу, не вполне учитывая эффективность тайной службы лорда Берли. В октябре 1574 г. к Берли прибыли секретные агенты герцога Алансонского, который, питая честолюбивые планы, заигрывал с вождями гугенотов. Герцог, по словам его посланца, предлагал Елизавете оказать помощь ларошельцам, обещая за это передачу ей всей Гаскони и других французских территорий, некогда принадлежавших Англии. Английская дипломатия навела справки и выяснила, что, по-видимому, эти агенты были действительно посланы герцогом Алансонским. Они утверждали, что герцог собирается бежать в Англию, и по их просьбе был отправлен специальный корабль к гавани Сен-Валери. Однако посланное судно напрасно ожидало брата короля, курсируя около этого нормандского порта. В конечном счете в Лондоне пришли к выводу, что речь идет об обманном маневре с целью получить доказательства враждебных действий английского правительства против интересов французского короля.

Осенью 1572 г. Берли явно стал считать желательным частичное соглашение с Филиппом II. Еще в 1568 г. английские пираты захватили много испанских кораблей, груженных драгоценными металлами. Испанцы ответили конфискацией британского имущества в Нидерландах, а правительство Елизаветы, в свою очередь, присвоило испанскую собственность в Англии. Баланс этих обоюдных мероприятий был сведен с большим дефицитом для Испании, даже если не причислять к нему «дополнительный» захват британскими пиратами в Ла-Манше и Па-де-Кале еще немало других испанских судов. За счет всей этой добычи Елизавета могла возместить ущерб, понесенный английскими купцами, товары которых были утрачены в Нидерландах, притом отнюдь не забывая о собственном кармане, Альба, вечно нуждавшийся в деньгах для оплаты своих наемных войск, распродал изъятые британские товары. Короче говоря, в результате всех этих операций в убытке остались лишь испанские купцы, а обе высоких грабящих стороны не видели причин для особого неудовольствия. Англичане просто не спешили с соглашением, которое могло бы помешать дальнейшему прибыльному промыслу их пиратских судов, однако в конце концов желание восстановить прерванную традиционную торговлю с Нидерландами взяло верх и привело к подписанию Нимвегенской конвенции об этом в апреле 1573 г. Замена Альбы на посту наместника более осторожным Рекесенсом еще больше ослабила напряженность в англо-испанских отношениях, правда, только временно – слишком непримиримы были цели политики обеих держав.

Все же после заключения Нимвегенской конвенции казалось, что английская политика приобретает явно происпанский крен. В июле 1574 г. в Лондон прибыл в качестве посланца доброй воли испанский дипломат Бернардино де Мендоса. (Нам еще придется не раз столкнуться с ним, когда он позднее займет пост постоянного посла в Англии.)

Мендосу ожидал пышный прием, он вел долгие переговоры с главными советниками королевы – Берли, Лейстером, Хэттоном, его одаривали богатыми подарками – золотыми цепями, лошадьми и охотничьими собаками.

Но тайная война против Испании не прекращалась. Лорд Берли, несмотря на участвовавшие припадки подагры, продолжал даже лично руководить английскими разведчиками, посланными за рубеж. Среди них заслуживает особого упоминания некий Джон Ли, отчеты которого сохранились в английском государственном архиве. Если верить свидетельству самого Ли, то он был выходцем из джентри, солидным купцом, эмигрировавшим в Антверпен в конце 60-х гг. после какого-то скандального столкновения с родственниками жены. Ли был католиком и именно поэтому был избран для «работы» среди английской католической эмиграции в Нидерландах. Там находились вожди недавнего католического восстания граф Уэстморленд, Френсис Нортон и другие, которые легко могли стать орудием испанской интервенции против Англии. Ли принимал самое деятельное участие в уже известном нам похищении доктора Стори (двойник которого, как мы помним, столь ловко провел злополучного Шарля Байи).

Однако главным заданием, полученным Джоном Ли, было убедить наиболее влиятельных людей среди эмигрантов просить прощения у Елизаветы и вернуться на родину. Разумеется, это все не могло прийти по вкусу испанским властям, которые, по мнению самого Ли, были поставлены в известность о его усилиях женой того же доктора Стори. В октябре 1572 г. разведчик был схвачен, но успел в последний момент перед арестом уничтожить наиболее компрометирующие бумаги. В апреле 1573 г. Ли предстал перед судом, в качестве доказательства его шпионских занятий фигурировали копии писем к Берли. Английское правительство проявило на этот раз большое рвение, чтобы спасти своего агента, воспользовавшись благоприятным поворотом в отношениях с Испанией. Лейстер написал личное письмо герцогу Альбе, в результате чего Ли был освобожден. Дальнейшая судьба разведчика неизвестна – молчание архивов может означать, что Берли потерял интерес к своему агенту после его разоблачения. Не исключено, что в последующие годы Ли фигурировал в секретных бумагах под вымышленным именем.

Действия своей агентуры Берли дополнял установлением личной переписки с графом Уэстморлендом, лордом Генри Морли, Фрэнсисом Энглфилдом, Томасом Копли, с помощью которой и отдельных услуг хитроумный министр Елизаветы пытался убедить своих корреспондентов, что он их лучший друг среди приближенных королевы.

Этим отнюдь не ограничивалась активность английской разведки. Восстановление внешне нормальных, если не дружественных, отношений с Испанией очень затрудняло связи Англии с голландцами. Были отозваны английские добровольцы, сражавшиеся на стороне гёзов. Елизавета даже обещала, что, если Альба вышлет английских эмигрантов, она прикажет голландским «мятежникам» покинуть Англию. Королева неоднократно предлагала свое посредничество с целью добиться прекращения вооруженной борьбы в Нидерландах, соглашаясь на восстановление там власти Филиппа II при условии признания им старинных вольностей этой страны. Аналогичное посредничество германского императора привело к созыву конференции в Бреда (март 1575 г.), которая окончилась неудачей и вряд ли могла завершиться иначе, а от английских услуг испанские власти вообще вежливо отказались. Война продолжалась, и положение повстанцев, казалось, становилось критическим. Поэтому в случае отказа Елизаветы от помощи восставшим возникла почти в равной степени неприятная для Англии перспектива – либо установление абсолютной власти Филиппа II над всеми Нидерландами, либо призыв голландцами на помощь французов.

Между тем поддерживать контакты с гёзами через обычные дипломатические каналы было сложно – английский посол при испанском наместнике Томас Вильсон сообщал Берли, что постоянно находится под «бдительным оком» Рекесенса.

Оставались поэтому только методы тайной дипломатии и секретной службы. Еще не были поставлены подписи под Нимвегенским соглашением, как в Голландии появился подвижник католической веры Уильям Герли, сменивший пост тюремного провокатора на должность тайного дипломатического агента. В мае 1575 г. Герли вернулся с письмом Вильгельма Оранского к лорду Берли, содержащим просьбу о финансовой помощи. Одним из активных агентов Берли в лагере повстанцев в 1574 г. был некий капитан Честер, который ранее командовал группой английских волонтеров.

В конце января 1576 г. в Лондон прибыл посол Рекесенса де Шампаньи, губернатор Антверпена. Его целью было настоять на прекращении помощи голландцам. Шампаньи вел долгие переговоры с Берли, каждый раз меняя мнение о намерениях Англии. Посла приняла сама королева, неожиданно разразившаяся тирадой против голландских кальвинистов, стремившихся упразднить монархию, и добавившая, что Филипп II – старый друг и что она не забыла его заступничество за нее во время правления королевы Марии. После этой аудиенции Шампаньи уже не знал, что думать, – это, видимо, и было целью его царственной собеседницы. В марте он уехал с пустыми руками.

Голландским представителям в Лондоне не устраивали роскошных приемов, лорд Берли вообще не имел с ними никаких дел. Голландцы вели беседы с неким Уильямом Герли, и это уж их дело было – воспринимать или нет советы, подаваемые столь красноречивым джентльменом. С другой стороны, кто мог воспрепятствовать Уильяму Герли писать об этих встречах своему старому благодетелю лорду Берли? Справедливости ради стоит заметить, что и голландцы не сумели добиться твердых обещаний о помощи вследствие нерешительности, которая обычно в таких случаях охватывала Елизавету. (Впрочем, по сведениям испанских дипломатов, в эти месяцы не прекращалось отплытие из английских портов кораблей, груженных вооружением и амуницией для голландских повстанцев.)

Последующие два-три года были временем крупных неудач испанцев в Нидерландах, и у Англии исчезла необходимость скрывать свои отношения с Вильгельмом Оранским. Однако установление дипломатических контактов, разумеется, не прекратило деятельности разведки.

В конце 1573 г. стало очевидным, что дни французского короля Карла IX сочтены и что корона перейдет к его брату герцогу Генриху Анжуйскому, избранному на польский престол. Ранее, как отмечалось, велись переговоры о браке между герцогом Анжуйским и Елизаветой, окончившиеся безрезультатно. Теперь кандидатом в мужья Елизаветы стал младший из трех братьев – герцог Франциск Алансонский; переговоры об этом браке растянулись на доброе десятилетие и служили орудием в сложной дипломатической игре английского и французского правительств. В 1574 г. герцог Алансонский, успевший уже после Варфоломеевской ночи внешне примириться с матерью и участвовать в войне против гугенотов, снова вступил в столкновение с Екатериной Медичи. Герцог строил планы овладеть престолом еще до того, как Генрих Анжуйский, услышав о смерти Карла IX, успеет вернуться в Париж. Однако Екатерина Медичи твердо решила, что престол достанется ее любимому сыну Генриху, и Франциск был снова посажен под арест. Все это вызвало надежду в Лондоне, что герцог Алансонский может стать главой проанглийской группировки при французском дворе. В апреле 1574 г. в Париж были направлены секретные агенты, чтобы выяснить положение герцога Алансонского. В мае в Париж прибыл специальный представитель Елизаветы капитан Лейтон. Екатерина Медичи и Карл IX, доживавший последние недели своей мрачной жизни, заявляли, что герцог Алансонский пользуется полной свободой. Лейтону даже формально разрешили переговорить с герцогом, а тому запретили встречаться с англичанином. Однако ловкий капитан ухитрился тайно повидаться с младшим братом короля, тот просил денег, которые позволили бы ему подкупить стражу и бежать. В конце мая Берли считал нужным удовлетворить эту просьбу, но события опередили английскую разведку. Через несколько дней умер Карл IX, герцога Алансонского держали под замком в Лувре, пока в начале августа из Варшавы не примчался Генрих Анжуйский.

Отношения Англии с новым королем Генрихом III вначале складывались неблагоприятно (в Лондоне его считали сторонником крайне католической группировки Гизов), потом они еще не раз претерпевали изменения. А герцог Алансонский, этот изуродованный оспой мелкотравчатый интриган и ничтожество, долгое время оставался претендентом на руку «королевы-девственницы». В первой половине 80-х гг. Лондон даже поддерживал его притязания на трон Нидерландов.

Иезуиты тем временем нанесли ответный удар. Принц Вильгельм Оранский показал себя опытным политиком и, несмотря на испытанные им поражения, умелым полководцем, выставившим против испанцев новые и новые войска. Филипп II, стиснув зубы от ярости, изыскивал средства, как избавиться наконец от проклятого еретика.

...Дело началось совсем неожиданно – с неотвратимой опасности банкротства. А угрожало оно испанскому купцу Каспару Анастро, проживавшему в начале 1582 г. в Антверпене. О печальном состоянии своих дел Анастро признался только близкому другу Хуану де Исунке, не подозревая, что говорит с тайным членом иезуитского ордена. Через несколько дней Исунка,

успевший куда-то съездить – очевидно, за инструкциями, – под строжайшим секретом сообщил Анастро, что открыл средство, как предотвратить банкротство друга. Правда, для исполнения проекта потребуется некоторое мужество, но и награда будет щедрой – 80 тыс. дукатов! К тому же церковь добавит и свою долю – отпущение всех грехов и твердую гарантию вечного блаженства. А совершить надо всего лишь одно – убить принца Вильгельма Оранского, заклятого врага святой веры. Сгоряча купец согласился: слишком приятным звоном отозвалось в ушах банкрота упоминание о 80 тыс. дукатов – огромной суммы для того времени. Но когда он трезво взвесил все обстоятельства, стало ясно, что баланс сводился с большим пассивом. Шансов уцелеть было немного, а кому нужны золотые дукаты на том свете? Пожертвовать же головой взамен гарантии небесного блаженства явно не было расчета. Но и упускать выгодное дело было ни к чему.

И Анастро принял решение, достойное купца: вызвал своего кассира Венеро, который долгое время служил у него и пользовался доверием. Венеро, правда, тоже уклонился от сомнительной чести, но зато предложил найти подходящего человека. Им оказался некий Жан Хаурегви. Исунка и Анастро приняли предложение Венеро, и они уже втроем принялись обрабатывать избранного ими молодого фанатика. Тот выразил согласие, а его духовник доминиканский монах Антоний Тиммерман постарался всемерно укрепить Хаурегви в его похвальном намерении.

Хаурегви наметил совершить покушение 18 мая. В этот день Исунка и Анастро поспешили скрыться из Антверпена и бежали в Турне, где стояли испанские войска. Хаурегви поджидал Вильгельма Оранского в церкви, но не смог протиснуться через свиту придворных. Однако позднее он сумел добиться аудиенции. Едва Вильгельм вошел в комнату, где его дожидался Хаурегви, как тот почти в упор выстрелил в принца из пистолета. Вильгельм был лишь ранен в челюсть, но упал, оглушенный шумом выстрела и ослепленный огнем взрыва, который опалил ему волосы. Придворные изрубили Хаурегви саблями. В карманах камзола убитого нашли документы, благодаря которым можно было установить фамилии Хаурегви и его сообщников. Удалось схватить Венеро и Тиммермана, которые выдали все детали заговора.

Однако для Вильгельма это была лишь отсрочка. Филипп II объявил его еще в 1580 г. вне закона, и иезуиты неустанно подыскивали новый удобный случай для убийства ненавистного главы нидерландских еретиков. Их орудием стал некий Бальтазар Жерар, которого окончательно убедил решиться на покушение один иезуитский проповедник. Жерар приобрел фальшивые бумаги на имя Гийона, сына известного протестанта, казненного за приверженность новой вере. Фамилия Гийона помогла Жерару завоевать доверие в лагере Вильгельма Оранского. Некоторое время он как будто колебался и, находясь проездом в Трире, посоветовался поочередно с четырьмя иезуитами. Орден Иисуса недаром славился четкой централизацией. Все четверо дали один и тот же ответ. 10 июля 1584 г. Жерар явился во дворец Вильгельма с просьбой об аудиенции. Принц Оранский был занят и обещал поговорить с посетителем после обеда. Убийца стал дожидаться во дворе. Когда Вильгельм вышел с несколькими приближенными, Жерар приблизился к нему и выстрелил из пистолета, заряженного тремя пулями. Вильгельм Оранский был смертельно ранен. Иезуитский агент бросился бежать, но был настигнут солдатами. Его казнили через несколько дней.

Иезуиты могли убедиться, что смерть Вильгельма Оранского мало что изменила. Голландцы продолжали бороться с возрастающим успехом против испанских войск. Орден попытался еще раз обезглавить движение, организовав новый заговор – на этот раз против сына Вильгельма принца Мориса Оранского. В 1595 г. иезуитский агент Петр Панне явился в Лейден, где находился Морис. В Лейдене Панне был встречен двумя переодетыми иезуитами, которые руководили его действиями и успели вручить освященный святыми отцами кинжал. Панне оказался неудачным агентом. Его расспросы о Морисе Оранском возбудили подозрение. Панне был арестован и казнен. Но его иезуитских наставников, конечно, уже и след простыл.

Кинжал убийцы

В августе 1572 г., после десятилетия кровопролитных гражданских войн, во Франции наконец забрезжила надежда на мир. Его было решено скрепить женитьбой одного из руководителей протестантского лагеря короля Наваррского Генриха Бурбона на сестре французского короля Карла IX Маргарите Валуа (знаменитой королеве Марго). На торжества в Париж прибыли сотни дворян-гугенотов. Эта попытка примирения закончилась кровавой Варфоломеевской ночью. По приказу короля и его матери Екатерины Медичи 3 тыс. гугенотов были убиты на рассвете 24 августа, Дня святого Варфоломея. Кровавые побоища перекинулись и на другие французские города. Генрих Наваррский спас себе жизнь тем, что перешел в католичество (как только опасность миновала, он вновь стал протестантом).

Варфоломеевская ночь не оказалась смертельным ударом для гугенотов. Гражданские войны продолжались с прежним ожесточением. Наследовавший Карлу IX его брат Генрих III в целом продолжал политику своего предшественника. Он то воевал с гугенотами, то мирился с ними, чтобы воспрепятствовать полному господству организации, созданной католиками, – Католической лиги и ее главы герцога Генриха Гиза.

Это было время, когда свои разведки имели король, королева-мать, Католическая лига. В страну были посланы испанские, английские, голландские лазутчики, иезуиты. Шпионажем занимался и Бюсси д'Амбуаз, молодой придворный фаворит герцога Алансонского, старшего брата герцога Анжуйского, который вступил на престол под именем Генриха III, сохранив при этом герцогский титул. Его приключения и трагический конец служили не раз сюжетом для поэтов и романистов (в том числе и для А. Дюма в романах «Графиня де Монсоро» и «Сорок пять»). По поручению своего патрона Бюсси в 1578 г. попытался добиться согласия голландцев на то, чтобы Фландрия, которую еще предстояло отвоевать у испанцев, перешла под власть герцога Анжуйского. Английское правительство одобрительно относилось к интервенции французских войск, но сумело добиться, чтобы голландские Генеральные штаты решительно отвергли честолюбивые планы герцога. Бюсси впал после этого в немилость у д'Анжу, а Генрих III уже давно ненавидел юного красавца за дерзкие отзывы о королевских фаворитах. Бюсси был вынужден удалиться в Анжер, где был наместником герцога Анжуйского. Там у него завязался роман с графиней де Монсоро, муж которой находился в столице, занимая важный пост при дворе. Бюсси проболтался о своем романе в письме к одному приятелю, от того новость узнали герцог и Генрих III, решившие раскрыть глаза обманутому мужу. Взбешенный граф не медля вернулся домой, заставил жену написать Бюсси записку, в которой она назначила ему свидание на следующую ночь. Когда Бюсси явился в замок, на него набросились граф и нанятые им убийцы. По легенде, графиня де Монсоро мстила за смерть возлюбленного; в действительности она мирно прожила свой век, став матерью многочисленного семейства.

Генрих III отлично знал, что Генрих Гиз выжидает лишь удобного случая, чтобы овладеть престолом. В конечном счете конфликт между Генрихом III и Католической лигой принял открытый характер. Король должен был покинуть Париж, где всем заправляла Католическая лига. Генрих в очередной раз примирился с вождем гугенотов Генрихом Наваррским. Началась «война трех Генрихов». Королевское войско осадило непокорную столицу. Генрих III потребовал, чтобы герцог Гиз прибыл к нему для объяснений, а когда тот счел для себя выгодным явиться для переговоров, приказал королевским телохранителям заколоть его кинжалами.

После убийства Гиза война между Генрихом III и Католической лигой продолжалась. Во главе Лиги встали младший брат Гиза герцог Майенский и его сестра герцогиня Монпансье, которые решили любой ценой разделаться с ненавистным королем, последним представителем династии Валуа. Его смерть открыла бы Гизам дорогу к трону.

Орудием осуществления замысла Гизов был избран доминиканский монах, 22-летний Жак Клеман. Это был резкий, решительный и вместе с тем туповатый малый, целиком находившийся во власти самых нелепых суеверий. Приор монастыря на улице Святого Якова убедил Клемана в том, что ему предопределено совершить великий подвиг для блага церкви. Монаху даже внушили, что он обладает чудесной силой делать себя невидимым для чужих глаз.

Когда королевская армия подошла к Парижу, Клеман сам заявил своим духовным начальникам, что стремится совершить великое дело. Осторожно, не спрашивая о существе дела, приор постарался укрепить брата Клемана в его решимости. Ходили слухи, что для «верности» ему дали какое-то наркотическое средство. Клемана также представили герцогине Монпансье. Несмотря на свою нескладную фигуру и короткие ноги, роскошно разодетая аристократка произвела большое впечатление на молодого монаха и постаралась убедить Клемана ни в коем случае не оставлять своего похвального намерения. В ход были пущены все средства обольщения, обещание кардинальской шапки и вечного блаженства на небесах. Кроме того, добавляла герцогиня, она прикажет арестовать в качестве заложников большое число сторонников Генриха III, так что никто не осмелится в королевской ставке и пальцем тронуть Жака. Вскоре монах узнал, что герцогиня сдержала свое слово – были взяты под стражу 300 лиц, обвиненных в равнодушии к делу Католической лиги и в скрытом сочувствии партии короля.

Клеман поспешил к приору и попросил разрешения перебраться в монастырь в Сен-Клу, где находилась королевская штаб-квартира. Приор, ни о чем не расспрашивая Клемана, достал ему пропуск на выезд из Парижа и передал несколько писем (одно – настоящее, остальные – подложные) от арестованных в Париже сторонников Генриха III.

Заговорщик отправился к королю под видом секретного гонца от противников Лиги. Придворные поверили его рассказу и на следующий день устроили ему аудиенцию у Генриха, которому посланец обещал открыть важную государственную тайну. Клеман передал королю письмо, а затем вонзил нож в его живот.

«Проклятый монах, он убил меня!» – в ужасе закричал Генрих. Клеман даже не пытался бежать, твердо надеясь на чудо. Прибежавшая стража в ярости подняла его на пики. На следующий день, 2 августа 1589 г., Генрих III умер...

Еще несколько лет продолжались гражданские войны, опустошавшие страну. В конце концов даже французское дворянство почувствовало необходимость мира, тем более что в стране начало полыхать пламя крестьянских восстаний. Генрих Наваррский в очередной раз переменял религию, бросив при этом знаменитую фразу: «Париж стоит обедни».

Власть нового короля Генриха IV была довольно скоро признана во всей Франции.

В последний период гражданских войн, в конце 80-х – начале 90-х гг. XVI в., важные услуги Генриху IV оказал знаменитый математик Франсуа Виет, имя которого знакомо любому школьнику. Виет нашел ключ к сложному шифру, который использовался Филиппом II, испанским наместником в Нидерландах Александром Фарнезе, принцем Пармским и его генералами. Виет нашел способы учитывать и все изменения этого шифра. Филипп II, узнав из перехваченных французских депеш, что его секретную корреспонденцию читают при дворе Генриха IV, в гневе... принес жалобу римскому папе, указывая, что расшифровка явно проводилась с помощью черной магии. В Риме не поверили. Там ведь знали, что еще за 30 лет до этого другой испанский шифр был разгадан находившимся на папской службе Джованни Баттистой Ардженти.

В 1598 г. Генрих IV подписал мир с Испанией. Это был серьезный удар по политике Англии. Тщетно английские и голландские агенты пытались узнать условия мирного договора, заключенного в Вервене, которые сохранялись в строжайшем секрете. Большого успеха добился венецианский посол Контарини. Он подкупил хозяина таверны, где остановился на ночлег испанский курьер, который вез текст договора. Испанца опоили каким-то зельем и, пока он спал, сняли копию с трактата. Операция была не из легких. Документ пришлось извлекать из

запаянной металлической трубки. При запаивании на металле была оттиснута печать, которую нельзя было не повредить, вынимая содержимое трубки. Вдобавок трубка находилась внутри запечатанной сумки, к которой был приделан конец цепи, обернутой вокруг тела курьера. Словом, пришлось немало поработать, но поддельные печати были сделаны настолько ловко, что в Мадриде ничего не заметили. А Контарини мог, торжествуя, послать в Венецию копию трактата и описание столь ловко проведенной операции, в результате которой драгоценная добыча оказалась в распоряжении Совета десяти.

Победив своих врагов, Генрих IV стал проводить политику, направленную на решение двух задач – восстановления экономики страны, разрушенной во время религиозных войн, и укрепления королевской власти.

При решении второй задачи Генриху сразу же пришлось столкнуться с сопротивлением вельмож, в том числе и тех, которые сражались на его стороне против Католической лиги. К числу недовольных принадлежал герцог Бирон. Это заметили даже при иностранных дворах. Когда маршал Бирон в качестве посла Генриха посетил Елизавету, она указала ему на сотни отрубленных голов, служивших мрачным украшением Лондонского моста, и заметила, что так поступают в Англии со всеми изменниками.

Бирон не принял к сведению этого предостережения. Он вступил в соглашение с врагами Генриха – с герцогом Савойским и, конечно, с Мадридом. Он и его сообщники (герцог Бульонский и др.) договорились разделить Францию на ряд полунезависимых владений под протекторатом Испании. Положение страны было тяжелым, и заговорщики намеревались использовать в своих интересах всех недовольных – и католиков, и протестантов.

Заговор был раскрыт, вероятно, не столько усилиями королевской разведки, сколько благодаря тому, что один из заговорщиков, Лаффен, счел за благо перейти на сторону Генриха IV. Лаффен учел нерешительный и ненадежный характер Бирона, его детскую веру в астрологию и черную магию; он знал, что этот не раз проявлявший мужество старый солдат часто терялся и совершал нелепые поступки, продиктованные глупостью, тщеславием и корыстолюбием. К тому же Лаффен отлично понимал, какова цена обещаний герцога Савойского и особенно нового испанского короля Филиппа III.

Поэтому-то служивший курьером для связи заговорщиков с Савойей Лаффен и решил тайно доносить королю обо всех планах Бирона.

Нужны были доказательства, чтобы оправдать арест герцога, и Лаффен добыл их. Однажды вечером Бирон в присутствии Лаффена составил письмо с изложением целей заговора. Лаффен заявил, что это слишком опасный документ, чтобы хранить его в оригинале. Королевский шпион сам предложил скопировать письмо и потом его уничтожить. Бирон согласился. Лаффен быстро снял копию и бросил оригинал в пылающий камин. Конечно, Бирону при этом не удалось заметить, что роковое письмо попало не в огонь, а в щель между задней стенкой печки и каменной стеной. Во время этой же встречи Лаффен попросил Бирона написать ему приказ сжечь все бумаги маршала. Вскоре оба документа были в руках короля. Кроме того, имелись письма Бирона к Лаффену. Этого было достаточно. Лаффен съездил потом к командующему испанскими войсками в Италии графу Фуэнтосу, но подозрительный испанец почуял ловушку и по согласованию еще с одним иностранным участником заговора, герцогом Савойским, решил избавиться от Лаффена. Но если Фуэнтос заподозрил Лаффена, то тот еще ранее заподозрил испанского генерала. Короче говоря, Лаффен успел бежать.

Летом 1602 г. Бирон был вызван ко двору. После некоторого колебания он приехал, так как не подозревал о предательстве Лаффена. Бирона арестовали и казнили по приговору парижского парламента. До последней минуты чванливый герцог считал, что смертный приговор – только комедия и что он попался из-за козней дьявола, с которым был связан Лаффен.

После казни Бирона оставаться в Париже Лаффену стало невозможно. Многие влиятельные сообщники маршала поклялись отомстить предателю. Лаффен скрывался в провинции

под охраной королевских солдат. Лишь через несколько лет он решился вернуться в столицу, понадеявшись на короткую память своих врагов. Расчет оказался неверным. На мосту Нотр-Дам к Лаффену бросилась группа вооруженных людей, стащила с лошади и покончила с ним несколькими пистолетными выстрелами в упор.

На протяжении всего царствования Генриху IV приходилось бороться против многочисленных заговоров: то пытались свергнуть его и возвести на престол одного из его незаконно рожденных сыновей, то сдать неприятелю Марсель или Нарбонн. За всеми этими заговорами по-прежнему стояли Испания и орден иезуитов.

Еще 27 декабря 1595 г. король принимал приближенных, поздравлявших его с победой над Лигой. Неожиданно к нему подбежал юноша и попытался ударить кинжалом в грудь. Генрих в этот момент наклонился, чтобы поднять с колен одного из придворных. Это спасло жизнь королю – удар пришелся в рот, и у Генриха оказался вышибленным зуб. Покушавшийся Жан Шатель действовал при подстрекательстве иезуитов – отца Гиньяра и отца Гере. Первый из них был отправлен на виселицу, а иезуиты в том же году были изгнаны из Франции. Но ненадолго. В 1603 г. Генрих IV был вынужден разрешить им вернуться и даже демонстративно взял себе иезуитского духовника.

14 мая 1610 г. король отправился в открытой коляске на прогулку по Парижу. Оставалось всего пять дней до отъезда Генриха IV на войну. Этот ставший легендой человек, в котором сочетались черты развеселого гуляки и мудрого государственного деятеля, теперь решил приступить к осуществлению главного дела своей жизни – ликвидации гегемонии в Европе испанских и австрийских Габсбургов, с трех сторон зажавших в клещи Францию.

...На узкой парижской улице, по которой ехала королевская карета, ей неожиданно преградили путь какие-то телеги. К экипажу подбежал рослый рыжий детина и трижды нанес королю удары кинжалом. Раны оказались смертельными.

По приказу жены Генриха флорентийки Марии Медичи, провозглашенной регентшей при малолетнем сыне Людовике XIII, убийца был вскоре предан суду. Он не отрицал своей вины, утверждал, что никто не подстрекал его к покушению на жизнь короля. Установить личность преступника не составляло труда. Это был Жан Франсуа Равальяк, стряпчий из Ангулема, ярый католик, неудачно пытавшийся вступить в иезуитский орден и не скрывавший недовольства той терпимостью, которой стали пользоваться по приказу Генриха его бывшие единоверцы – гугеноты. Равальяк несколько раз стремился добиться приема у короля, чтобы предостеречь его против такого опасного курса, и, когда ему это не удалось, взялся за нож. Убийца даже под пыткой продолжал твердить, что у него не было соучастников. Судьи парижского парламента терялись в догадках, их мысль пошла по привычному пути: не подстрекнул ли Равальяка к злодеянию сам дьявол, известный враг рода человеческого? Ведь свидетель обвинения Дюбуа, ночевавший некоторое время в одной комнате с подсудимым, утверждал, что Сатана появлялся там в виде «огромного страшного пса». В то же время исповедник погибшего короля иезуит отец Коттон увещевал убийцу: «Сын мой, не обвиняй добрых людей!» На эшафоте Равальяк, даже когда ему угрожали отказом в отпущении грехов, если он не назовет своих сообщников, снова и снова повторял, что действовал в одиночку. Равальяк искренне был убежден, что от этих слов, сказанных им за минуту до начала варварской казни, зависело спасение его души. Но соответствовали ли они действительности?

В 1610 г. судьи явно не имели особого желания докапываться до истины, а правительство Марии Медичи проявляло еще меньше склонности к проведению всестороннего расследования. Но уже тогда задавали вопрос: не приложили ли руку к устранению короля те, кому это было особенно выгодно? Через несколько лет выяснилось, что некая Жаклин д'Эскоман, служившая у маркизы де Верней, фаворитки Генриха (которой неисправимый ловелас даже дал письменное обещание жениться и семейство которой уже устроило однажды заговор, угрожающий жизни короля), пыталась предупредить Генриха о готовившемся на него новом покуше-

нии. В его организации помимо маркизы де Верней, по утверждению д'Эскоман, участвовал также могущественный герцог д'Эпернон, мечтавший о первой роли в государстве. Д'Эскоман старалась сообщить обо всем этом королю через его супругу Марию Медичи, но та в последний момент уехала из Парижа в Фонтенбло. Отец Коттон, к которому хотела обратиться д'Эскоман, также отбыл в Фонтенбло, а другой иезуит посоветовал ей не вмешиваться не в свои дела. Вскоре после этого разговора Жаклин обвинили в том, что она, не имея средств на содержание своего сына в приюте, пыталась подбросить малыша. Д'Эскоман была немедленно арестована, по закону ей угрожала смертная казнь. Но судьи оказались мягкосердечными: посадили ее надолго в тюрьму, а потом отправили в монастырь. Не была ли эта снисходительность платой за то, что на суде д'Эскоман ни одним словом не упомянула о заговоре против Генриха IV?

Почему же Мария Медичи уклонилась от встречи с Жаклин д'Эскоман? У этой упрямой и взбалмошной женщины и особенно у ее фаворитов – супругов Кончини были свои причины желать устранения короля. Генрих сильно увлекся молоденькой Шарлоттой Монморанси, ставшей женой принца Конде. Этот бурный роман вызвал серьезные опасения флорентийки. Зная характер Генриха, она допускала, что он может пойти на развод с ней или приблизить принцессу Конде настолько, что она приобретет решающее влияние при дворе. В случае смерти Генриха Мария Медичи становилась правительницей Франции до совершеннолетия ее сына Людовика XIII, которому тогда было всего 9 лет. Фактическая власть досталась бы супругам Кончини, которые имели огромное влияние на Марию Медичи (так оно и произошло впоследствии, хотя герцог д'Эпернон в первые дни после смерти Генриха IV также стремился прибрать к своим рукам бразды правления).

В январе 1611 г. Жаклин д'Эскоман вышла из монастыря и попыталась опять вывести заговорщиков на чистую воду. Ее снова бросили в тюрьму и предали суду. Однако процесс над д'Эскоман принял нежелательное для властей направление. Слуга Шарлотты дю Тилли (которая была близка к маркизе де Верней и находилась в придворном штате королевы) показал, что не раз встречал Равальяка у своей госпожи. Это подтверждало свидетельство д'Эскоман, также служившей некоторое время у дю Тилли, которой ее рекомендовала маркиза де Верней. Судебное следствие прервали, «учитывая достоинство обвиняемых». Президент суда был заменен ставленником двора. Несмотря на давление со стороны правительства, требовавшего вынести смертный приговор д'Эскоман за лжесвидетельство, голоса судей разделились поровну. Подсудимая была приговорена к вечному тюремному заключению. Ее продолжали держать за решеткой и после падения Марии Медичи (1617) – так опасались показаний этой «лжесвидетельницы».

Жаклин д'Эскоман утверждала, что заговорщики поддерживали связь с мадридским двором. Об этом же сообщает в своих мемуарах Пьер де Жарден, именовавшийся капитаном Лагардом. Они были написаны в Бастилии, куда Лагард был заключен в 1616 г. Он вышел на свободу после окончания правления Марии Медичи. Лагард узнал о связях заговорщиков, находясь на юге Италии, откуда энергичный испанский вице-король граф Фуэнтос руководил тайной войной против Франции. Лагард, приехав в Париж, сумел предупредить Генриха о готовившемся покушении, но король не принял никаких мер предосторожности. В мемуарах Лагарда имеются не очень правдоподобные детали – вроде того, будто он видел Равальяка в Неаполе, куда ангулемец привез якобы письма от герцога д'Эпернона.

Показания д'Эскоман были опубликованы при правлении Марии Медичи, когда она боролась с мятежом крупных вельмож и хотела обратить против них народный гнев. Характерно, что эти показания не компрометировали королеву-мать. Мемуары Лагарда были написаны после падения Марии Медичи и явно имели целью очернить королеву и ее союзника герцога д'Эпернона. Таким образом, оба эти свидетельства могут внушать известные подозрения. Вполне возможно, что Генрих IV пал жертвой «испанского заговора», в котором участвовали какие-то другие люди. В пользу этого предположения говорят настойчивые слухи об

убийстве французского короля, распространившиеся за рубежом еще за несколько дней до 14 мая, когда был убит король, а также то, что в государственных архивах Испании чья-то заботливая рука изъяла важные документы, относившиеся к периоду от конца апреля и до 1 июля 1610 г. Что французский король пал жертвой заговора, руководимого испанцами, впоследствии утверждали такие осведомленные лица, как герцог Сюлли, друг и первый министр Генриха IV, а также кардинал Ришелье.

«Английское дело» сынов Лойолы

Еще 25 февраля 1570 г. папа Пий V обнародовал буллу об отлучении Елизаветы от католической церкви, к которой она, впрочем, и не принадлежала, и, главное, освобождавшую англичан от присяги верности королеве. «Мы объявляем, – говорилось в булле, – указанную Елизавету еретичкой и подстрекательницей еретиков, и те, кто является ее приверженцами, также осуждаются и отделяются от христианского мира... Мы лишаем указанную королеву ее мнимых прав на королевство и всех остальных прав... Мы... запрещаем всем и каждому из ее дворян повиновение ее властям, ее приказам или ее законам». Правда, буллу никто не осмелился вручить надменной повелительнице Англии. Оригинал этого изъяснения папского гнева так и остался в Ватикане, но его содержание не было пустой угрозой. Булла была издана при получении папой известий о католическом восстании на севере Англии. Правда, к тому времени оно уже было подавлено, но никто не мог предсказать, много ли англичан-католиков сохранят верность королеве, отлученной от церкви.

В 1580 г. Рим объявил, что всякий, убивший Елизавету «с благочестивым намерением свершить божье дело, не повинен в грехе и, напротив, заслуживает одобрения».

Иезуитский орден продолжал подготовку к обращению англичан в свою веру. Один за другим высаживались на английский берег иезуитские лазутчики, тайно проповедовавшие против еретички-королевы и, главное, занимавшиеся сколачиванием всех сил католической партии, подготовкой заговоров в пользу Марии Стюарт и мятежей, которые помогли бы намеченному вторжению испанской армии. По подсчетам ученых, до 1600 г. более тысячи молодых английских священников были посланы Римом в Англию.

Признанным руководителем заговоров был отец Роберт Парсонс, в 1580 г. лично возглавлявший иезуитскую «миссию», которая тайно посетила Англию. Спутник Парсонса Кэмпбелл был схвачен и повешен, Парсонсу удалось бежать. С тех пор в течение многих лет он был, по существу, главным противником Уолсингема в тайной войне, неутомимо плетя из Рима все новые и новые сети заговоров. Иезуитам удалось даже печатать подпольно в Англии памфлеты против королевы. Парсонс занялся составлением плана будущего государственного устройства Англии после победы Филиппа и иезуитов. Католические епископы должны были получить право назначать членов палаты общин английского парламента, вводилась инквизиция.

Другими видными руководителями католических заговоров были кардинал Аллен (подобно Парсонсу, английский эмигрант) и уэльсский дворянин Хью Оуэн. По слухам – быть может, и неверным, – еще в 1571 г. Оуэн принял участие в «заговоре Ридольфи». Его роль была, правда, скромной: он должен был обеспечить бесперебойную замену лошадей на всем протяжении пути, по которому предполагала бежать Мария Стюарт. Эмигрировав, Оуэн, совместно с Парсонсом и Алленом, разработал детальный план вторжения в Англию испанских войск. В течение нескольких десятилетий скупое испанское правительство аккуратно выплачивало Оуэну значительную пенсию. И не даром. Дом Оуэна в Брюсселе, неподалеку от рынка сыров, стал шпионским центром католических держав, боровшихся с Англией. Отсюда уезжали люди, чтобы в другом платье и под другим именем появиться в лондонской таверне или дворянской усадьбе где-нибудь в Шропшире или Нортумберленде и там приняться за выполнение порученного дела. Они везли с собой письма, спрятанные в отверстиях, выдолбленных в изящной трости, или в подошвах ботинок. Письма были написаны на тонкой бумаге – не раз агенту уже после ареста удавалось быстро сжевать и проглотить компрометирующий документ. Впрочем, случалось и так, что человек, покидавший под покровом ночи брюссельский дом около рынка сыров, через пару дней входил в лондонскую резиденцию сэра Френсиса Уолсингема. И наоборот. Теперь, почти через четыре столетия, уже невозможно разобрать, на кого в

действительности работали многие из агентов, числившихся одновременно в списках сотрудников секретной службы и Англии, и противостоявших ей католических держав.

Борьба шла без пощады. Оуэн и Парсонс однажды едва не попали в руки отряда английских войск, сражавшихся во Фландрии. В этом случае их участь была бы быстро решена – выдачи Оуэна правительство Елизаветы требовало еще со времени «заговора Ридольфи». В другой раз Оуэну и его агентам удалось побудить к дезертирству отряд, состоявший из солдат-уэльсцев, который вдобавок без боя сдал испанцам крепость Девентер. Командир отряда Уильям Стенли стал полковником испанской службы. Его полк, действовавший во Фландрии, пополнялся за счет эмигрантов-католиков, и заговорщики в течение многих лет рассчитывали опереться на него в случае государственного переворота и свержения Елизаветы.

В начале 80-х гг. иезуиты подготовили очередной заговор (названный ими «английское дело») с целью убийства Елизаветы и возведения на престол Марии Стюарт. А узнал об этом заговоре Уолсингем на сей раз скорее благодаря счастливой случайности – находке небольшого зеркала. Его владелец – лазутчик нового испанского посла дона Мендосы – был в 1582 г. задержан английскими властями. При обыске у него и обнаружили зеркальце, за задней крышкой которого были спрятаны важные бумаги.

Вскоре были получены дополнительные сведения из Шотландии. Там был арестован Джордж Дуглас – романтический поклонник Марии Стюарт, на которого она возложила выполнение различных поручений. Под пыткой в Эдинбургском замке он признался в том, что шотландская королева ведет переписку с католическими державами с помощью французского посла Кастельно де Мовисьера или людей из его свиты. После этого разведчик Уолсингема Генри Фагот сумел поступить на службу в штат французского посольства и, кроме того, подкупить Шереля – доверенного секретаря посла.

Через Фагота Уолсингем узнал, что главным организатором нового заговора стал Фрэнсис Трокмортон. При его аресте были обнаружены списки участников заговора, планы вторжения.

Это был человек крепкой закалки. Из окна своей камеры в Тауэре Трокмортону удалось выбросить игральную карту с несколькими наспех написанными фразами. Он извещал своих сообщников, что будет все отрицать, несмотря ни на какие пытки. Однако Трокмортон переоценил свои силы и мужество. Он с негодованием отверг предложение о помиловании, если добровольно сообщит все подробности заговора. Уолсингем приказал подвергнуть его самым жестоким пыткам, мрачно заметив в одном из своих писем: «Я видел, как удавалось сломить людей не менее решительных, чем Трокмортон». Пытка и обман (узнику обещали помилование взамен письменного признания) сделали свое дело: в руках правительства оказались нужные данные. В частности, выяснилось активное содействие заговору со стороны Гизов – родственников шотландской королевы.

А за спиной заговорщиков снова виднелась тень испанского посла дона Бернардино де Мендосы. Уолсингем попытался окружить его сетью своих людей. Среди них был и секретарь посла Боргезе. Даже агенты самого Мендосы, вроде врача Родриго Лопеса, приставленного подсматривать за фаворитом Елизаветы графом Лейстером, были не очень надежны. Родриго Лопес, опытный интриган, знаток ядов (полезные знания для придворного), был явно шпионом-двойником.

Дона Мендосу попросили встретиться с членами Тайного совета. В их присутствии Уолсингем подробно рассказал пораженному и разъяренному испанцу о его участии в заговоре Трокмортон. Послу Филиппа II было предложено в 15 дней покинуть Англию. В очередной схватке непрекращавшейся тайной войны Елизавета снова одержала победу.

Но и после раскрытия заговора секретарь французского посла Шерель с хорошо оплачивавшимся усердием продолжал снимать копии с переписки, которую все еще вела через французское посольство Мария Стюарт со своим главным агентом в Париже Томасом Морганом.

Заговор бабингтона

Заговоры Ридольфи и Трокмортон были католическими заговорами против Елизаветы. «Заговор Бабингтона» был правительственной провокацией, внешне носившей форму католического заговора. В этой «эволюции» сказывалось укрепление позиций елизаветинской Англии в борьбе против Испании и ее союзников.

Может возникнуть законный вопрос: зачем при избытке действительных заговоров английскому правительству надо было фабриковать еще и мнимые? Ведь нет никакого сомнения, что в Европе была создана целая организация с центром в Мадриде, пусть неслаженная, нечетко работавшая, как и все начинания Филиппа II, но тем не менее постоянно возобновлявшая попытку избавиться от Елизаветы путем убийства, дворцового переворота или нового католического восстания.

Чего же больше даже для Берли и Уолсингема, которым было выгодно, чтобы народ считал Елизавету подвергающейся смертельной угрозе со стороны испанского короля и его союзников и соглашался поэтому ради обеспечения безопасности страны безропотно нести бремя налогов? Кроме всего прочего, Берли и Уолсингему нужно было запугивать Елизавету постоянными заговорами – это был единственный способ заставить раскошелиться скаредную королеву, не раз урезывавшую ассигнования на секретную службу. К тому же действительные заговоры разыгрывались не так, как этого хотелось бы режиссерам из Уайтхолла. В них непосредственно могли не участвовать как раз те, от кого английское правительство считало особенно необходимым избавиться под предлогом их содействия испанским интригам. Участники реальных заговоров далеко не всегда попадались в сети Уолсингема. Вдобавок это были, как правило, мелкие сошки. Их примерной казнью трудно было поразить воображение народа, привыкшего к постоянным кровавым зрелищам на лондонских площадях и к выставлению на обозрение отрубленных голов, отрезанных ушей и языков на эшафотах и на стенах Тауэра. В этом отношении «свой», продуманный и осуществленный в соответствии со сценарием, составленным в Уайтхолле, заговор имел большие преимущества перед реальными заговорами.

Берли и Уолсингем считали совершенно необходимым разделаться наконец с «гадюкой» – Марией Стюарт. Ведь случись что с Елизаветой, шотландская королева заняла бы английский престол (недаром многие проницательные придворные, в том числе любимцы Елизаветы граф Лейстер и Хэттон, пытались сохранять в тайне и какие-то связи с опасной узницей). Со смертью Марии Стюарт исчез бы источник постоянных католических интриг. Но подвести под топор палача пленницу, которая как-никак формально оставалась королевой Шотландии и добровольно отдалась в руки своей родственницы Елизаветы, можно было не иначе как добыв безусловные, неопровержимые доказательства ее участия в заговоре, и притом непременно в заговоре, ставящем целью убийство приютившей Марию Стюарт Елизаветы. А как получишь такие доказательства, если пустить этот заговор на волю волн? Завлечь Марию Стюарт в заговор собственного производства, решили Берли и Уолсингем, значительно вернее и надежнее. Дело оставалось за техникой, и за нее взялся Уолсингем с присущим ему знанием дела. Конечно, только замысел должен был принадлежать шефу английской секретной службы, исполнителями могли стать лишь доверенные лица Марии Стюарт. Многих из них нельзя подкупить, ну что ж, тем лучше! Не ведая, что творят, они с тем большей естественностью будут играть порученные им роли и потом будут лишены возможности делать какие-либо нежелательные признания на суде.

Очень вероятно, что главная роль среди агентов Уолсингема была отведена молодому католическому джентльмену Джилберту Джифорду. Уж к кому, к кому, а к нему сторонники Марии Стюарт могли питать полное доверие. Джифорд был выходцем из католической дворянской семьи, проживавшей в графстве Стаффорд. Его отец даже попал в тюрьму за испове-

дание католицизма. Юный Джилберт был послан учиться во Францию и образование получил не где-нибудь, а в иезуитской семинарии в Реймсе, готовившей проповедников и разведчиков для осуществления планов контрреформации в Англии. Трудно было разглядеть в нем одного из наиболее ловких агентов Уолсингема. В 1585 г. Джиффорд провел несколько месяцев в Париже, совещаясь с главными руководителями партии Марии Стюарт – архиепископом Чарлзом Пейджетом и Томасом Морганом; он убедил их в возможности предпринять новую попытку освобождения королевы. Пейджет и Морган направили Джиффорда в Лондон, горячо рекомендуя его французскому послу де Шатнефу. Может быть, Джиффорд слегка переиграл, предлагая наладить связь посольства с Марией Стюарт, прерванную после неудачи предшествовавших заговоров. Француз заподозрил что-то неладное и временно отклонил заманчивые предложения слишком уж бойкого молодого человека. Тот, впрочем, нисколько не был обескуражен холодным приемом и часто посещал посольство, куда для него прибывали письма на имя «Николаса Корнелиуса». Одновременно в январе 1586 г. он завязал знакомство со многими католическими домами в английской столице.

Подозрения Шатнефа в отношении Джиффорда, постоянно выказывавшего глубокую преданность шотландской королеве, если не рассеялись, то понемногу ослабли. По крайней мере, француз решил проверить, на что способен этот столь энергичный воспитанник иезуитов. Посол передал Джиффорду письмо к Марии Стюарт, не содержавшее, впрочем, никаких важных сведений. Начало делу было положено.

Получив письмо, Джиффорд отправился на родину, в Стаффордшир, и поселился у дяди. Его дом находился всего в нескольких милях от замка Чартли, в который перевезли Марию Стюарт из прежнего места заключения Татбери. Чартли был расположен неподалеку от поместий дворян-католиков, и у узницы снова возникли надежды связаться со своими сторонниками, возобновить столько раз кончавшуюся неудачей смертельно опасную политическую игру. Могла ли Мария Стюарт предполагать, что Чартли окажется той ловко подстроенной западней, в которую ее стремились поймать, чтобы отправить на эшафот?

...Джиффорд решил действовать, учитывая местные условия. Расположенный поблизости городок Бартон славился качеством изготавливавшегося там пива. Один из местных пивоваров раз в неделю доставлял бочонок этого приятного напитка в Чартли. Джиффорд и сэр Эмиас Паулет, которому было поручено содержать в заточении шотландскую королеву, быстро нашли общий язык с пивоваром – его имя осталось неизвестным, так как в переписке между Уолсингемом и его агентами он именовался просто «честный человек».

В бочонок, снабженный двойным дном, вкладывали флягу с письмом. Дворецкий получал бочонок, выливал из него пиво и передавал казавшуюся пустой тару одному из секретарей Марии Стюарт, который извлекал оттуда бумаги и относил их королеве. Таким же путем, в бочонке, на следующий день доставлялись ответные письма Марии Стюарт ее сторонникам. Все эти послания без промедления попадали к Джиффорду и спешно переправлялись им в Лондон. Письма были шифрованные, но у Уолсингема были на такой случай проверенные эксперты и среди них мастер своего дела Томас Фелиппес.

«Честный человек» мог, казалось бы, насторожить Марию Стюарт, хорошо знавшую приемы своих врагов, однако заверения Джиффорда, которого, в свою очередь, столь горячо рекомендовали Пейджет и Морган, усыпили первоначальное недоверие. Между тем Шатнеф окончательно убедился в верности Джиффорда и начал передавать через него всю секретную корреспонденцию, поступающую на имя Марии Стюарт из-за границы. Теперь вся переписка шотландской королевы проходила через руки Уолсингема, а если в ней чего-либо и недоставало для доказательства преступных планов узницы, то дело легко можно было поправить благодаря испытанному искусству Фелиппеса.

Джиффорд так наладил дело, чтобы оно функционировало даже в его отсутствие. Для этого он договорился со своим другом католиком Томасом Бернсом, не раскрывая, понятно, смысла

своей игры, что тот будет получать пакеты от «честного человека» и спешно передавать их еще одному лицу, жившему в Уорикшире около дороги в столицу. Этот последний разными способами доставлял письма во французское посольство (конечно, после того, как бумаги побывали в ведомстве Уолсингема). Не столь уж важно, был ли этот человек в Уорикшире посвящен в секреты предприятия или, так же как и Берне, был ничего не подозревавшим орудием Джиффорда. Связь работала безупречно в оба конца, и Джиффорд мог позволить себе вернуться в Париж. Важно ведь было не только наладить связь, но и обеспечить, чтобы из Парижа к Марии поступали советы, вполне отвечавшие планам Уолсингема. К этому времени о заговоре был подробно информирован Филипп II, рекомендовавший убить Уолсингема и главных советников Елизаветы.

Приехав в Париж, Джиффорд до конца использовал те возможности, которые ему создал приобретенный авторитет ловкого человека, сумевшего наладить бесперебойно действовавшую связь с пленной королевой. Джиффорд разъяснил, что было бы чрезвычайно опасно повторять попытки похищения Марии Стюарт: Эмиас Паулет получил строгую инструкцию при малейшей угрозе такого рода предать смерти свою пленницу. Единственный выход – убийство Елизаветы, после чего Мария без особой оппозиции в стране будет возведена на трон. Джиффорд ухитрился использовать даже смертельную ненависть, которую питал к Елизавете влиятельный испанский посол в Париже, уже знакомый нам дон Бернардино де Мендоса. Он горячо поддержал план убийства нечестивой королевы, открывавший путь к подчинению Англии власти Филиппа II.

Теперь Джиффорду оставалось возвратиться в Лондон и найти подходящих людей, к чьим услугам могла бы обратиться Мария Стюарт для исполнения замысла, который ей подскажут из Парижа. Для этой цели Джиффорд присмотрел одного подходящего человека – совсем молодого и богатого католика из Дербишира Энтони Бабингтона, который выказывал пылкую преданность царственной узнице.

Дело, правда, не сразу пошло так гладко, как хотелось бы. Бабингтон с готовностью согласился участвовать в заговоре, чтобы освободить Марию Стюарт, но вначале с ужасом отверг мысль об убийстве Елизаветы, так как сомневался, соответствовало бы оно учению католической церкви.

Волей-неволей Джиффорду пришлось съездить еще раз во Францию и привезти с собой католического священника Балларда, который должен был рассеять сомнения Бабингтона. Вскоре появился и еще один волонтер – авантюрист Джон Севедж, вызвавшийся убить Елизавету. Бабингтон, теперь уже активно включившийся в заговор, разъяснил своим новым друзьям, что для верности нужно, чтобы покушение совершило сразу несколько человек. Остановились на шестерых – втянуть в конспирацию еще несколько горячих голов оказалось не столь уж трудным делом. Одновременно нашлись люди, готовые участвовать в похищении Марии Стюарт. Итак, силки были расставлены.

Конечно, и в этих условиях не обошлось без шероховатостей. Так, Томас Морган, опытный конспиратор, сообразил, насколько опасно для Марии Стюарт быть осведомленной о планах заговорщиков и в случае неудачи подставить себя как соучастницу под топор палача. Морган послал ей два письма, в которых излагались эти весьма разумные соображения. Тем удивительнее, что почти в то же время от Моргана пришло послание с советом прямо противоположного характера – установить связь с заговорщиками. Итак, соблазн оказался слишком велик, и Морган пошел на компромисс – он сам составил, выбирая наиболее осторожные выражения, письмо, которое Мария Стюарт должна послать Бабингтону.

Впрочем, историки давно уже поставили вопрос, было ли оно написано действительно Морганом или же к его сочинению приложил руку Фелиппес. От кого бы ни исходило письмо, содержащее опасный совет, Мария Стюарт ему последовала. Она, вернее, переписала рекомендованный ей Морганом (если не Уолсингемом) текст, датированный 27 июня 1586 г. Он

состоял из нескольких чрезвычайно осмотрительно сформулированных фраз. Впрочем, и здесь нет уверенности, действительно ли они написаны ею или тем же неизменным Фелиппесом. Корреспонденция между Уолсингемом и Фелиппесом, с одной стороны, и Эмиасом Паулетом – с другой, наводит на такие мысли. По крайней мере, она свидетельствует об опасениях Паулета, как бы все более наглые подлоги Фелиппеса не вызвали подозрения у заговорщиков и не испортили игру. Еще более сомнительно выглядит ответное письмо Бабингтона, в котором он прямо сообщает Марии Стюарт о намерении убить Елизавету, причем оно позволяет предполагать, что шотландская королева и ранее была в курсе этих планов. Подобной нелепой и ненужной откровенности нет ни в одном из многочисленных заговоров того времени. Таким образом, перед нами – в который уже раз – все тот же вопрос: чье же это письмо, того, чья подпись стоит в конце, – Энтони Бабингтона, или Томаса Фелиппеса, командированного 7 июля 1586 г. в Стаффордшир, поближе к замку Чарт-ли, или еще какого-нибудь сотрудника Уолсингема, тем более что сохранился не оригинал, а лишь копия этого рокового документа? Можно, наконец, предположить, что письмо было действительно написано Бабингтоном, только без вкрапленных в него нескольких фраз о замысле убить английскую королеву, тем более что эти строки выглядят слабо связанными со всем остальным текстом. К последнему предположению подводит и внутренняя противоречивость письма. В нем Бабингтон указывает, что шесть дворян, включая его, убьют Елизавету, в то же время он пишет, что в это время будет далеко от Лондона, около Чартли. Впрочем, в письме излагалось и много других планов, подходивших под понятие государственной измены, – иностранная интервенция, восстание английских католиков.

12 июля «честный человек» доставил письмо Бабингтона Марии Стюарт. Ее секретарь сообщил, что письмо получено и ответ будет послан через три дня. Во время одной из своих верховых прогулок, которые ей специально разрешили, шотландская королева встретила рыжего малого с потупленным взором, внешность которого привлекла ее внимание, о чем она и сообщила в письме Моргану. Это был Фелиппес. 17 июля Мария Стюарт ответила Бабингтону. Если верить тексту письма, представленному на судебном процессе, она одобряла все планы заговорщиков: и способствование иностранной интервенции, и католическое восстание, и убийство Елизаветы. Последнее вызывает сомнение. По крайней мере, в письмах, направленных Марией в тот же день Пейджету, Моргану и дону Мендосе, говорилось об интервенции и восстании, но совершенно умалчивалось о предстоящем покушении на английскую королеву. На другой день Фелиппес отослал Уолсингему дешифрованную копию. Мышеловка захлопнулась...

Правда, временами заговорщиков как будто осеняло смутное предчувствие беды, неясное сознание того, что какая-то невидимая рука все больше запутывает незримую сеть, которая должна погубить их. Бабингтон решил съездить в Париж для переговоров с доном Мендосой. Роберт Пули, секретарь Уолсингема, представил заговорщика министру. Бабингтон обещал шпионить за эмигрантами. Уолсингем, выразив свое удовольствие по поводу такого предложения услуг, несколько раз принимал Бабингтона, все оттягивая выдачу паспорта. А Бабингтон имел неосторожность вдобавок показать Пули письмо Марии Стюарт и сообщить, что скоро последует вторжение, убийство Елизаветы и воцарение пленной шотландской королевы.

В августе заговорщики получили известие, что слуга Балларда, знавший все их секреты, был правительственным шпионом...

Бабингтон, пытаясь спастись, отправляет письмо Пули с просьбой известить от его имени Уолсингема, что существует заговор и он готов сообщить все подробности. Проходят часы – письмо остается без ответа. А на другой день утром арестовывают Балларда и еще нескольких заговорщиков. Бабингтон пишет еще одно письмо Уолсингему. Ему сообщают, что ответ последует через день-другой. Вечером, ужиная с одним из сотрудников Уолсингема, Бабингтон заметил, что тому передали записку. Заглянув краем глаза в бумагу, глава заговора увидел,

что в ней содержался приказ не выпускать его из поля зрения. Медлить более было нельзя. Он незаметно вышел из комнаты, оставив свой плащ и меч, и помчался к друзьям; переодевшись в платье работников, они попытались скрыться. За ними последовала погоня. Через несколько дней их арестовали. Одновременно был произведен обыск у Марии Стюарт, захвачены секретные бумаги, взяты под стражу ее секретари. Мария была переведена в другую тюрьму, где находилась в строжайшем заключении.

Разумеется, показания заговорщиков, что их подтолкнул к государственной измене Джилберт Джифорд, были тщательно скрыты английской полицией. Между прочим, он, находясь во Франции, получил от Фелиппеса полудружеское-полуиздевательское предупреждение, что его, Джифорда, самого подозревают в участии в заговоре. Джифорда охватила паника – люди Уолсингема могли донести на него французским властям, после чего ему было бы несдобровать. При возвращении в Англию Джифорд вполне мог попасть в лапы юстиции, которая, как это случалось порой, возможно, закрыла бы глаза на то, чье поручение он выполнял, провоцируя покушение на Елизавету. Опасения разведчика оказались, впрочем, необоснованными...

13 сентября Бабингтон и шесть его помощников предстали перед специально назначенной судебной комиссией. Через два дня за ними последовали остальные заговорщики. Все подсудимые признали себя виновными, поэтому не было нужды представлять доказательства относительно организации заговора.

Елизавета не удовлетворилась приговором заговорщиков к «квалифицированной» казни, уготованной изменникам, и спросила, нет ли чего-нибудь пострашнее. Лорд Берли должен был разъяснить своей любвеобильной повелительнице, что намеченная кара более чем достаточна для любого преступника.

Многочасовая казнь первых шестерых заговорщиков приобрела настолько чудовищный характер, что сдали нервы даже у много повидавшей в те годы лондонской толпы. Поэтому остальных семерых на другой день повесили и лишь потом четвертовали и проделали все остальные процедуры, уготовленные государственным изменникам. Настала очередь и Марии Стюарт. 8 февраля 1587 г. ее жизнь оборвалась под топором палача...

Тайны Мадридского двора

Решающая схватка быстро приближалась. Испания все еще владела самой сильной армией и флотом, и Филипп II наконец решил рискнуть ими обоими. Ведь теперь в случае свержения Елизаветы английский престол достанется не Марии Стюарт, тесно связанной с Францией, а самому Филиппу II, которого шотландская королева объявила своим наследником!

Задача разведывательного обеспечения намеченной высадки в Англии была возложена Филиппом II на уже известного нам дону Бернардино де Мендосу. Оказавшийся замешанным в «заговор Трокмортон» и вынужденный покинуть Англию, надменный испанец заявил Елизавете перед отъездом: «Бернардино де Мендоса рожден не возбуждать волнение в странах, а завоевывать их». Переехав в 1584 г. в Париж, Мендоса первоначально с головой окунулся в борьбу между французскими католиками и гугенотами. Однако, укрепив испанскую секретную службу во Франции, Мендоса не терял из виду Англию.

Прежде всего он решил действовать испытанным способом подкупа. Надо сказать, что разница между взяткой и «законным» получением иностранной пенсии в то время была столь неясной и тонкой, что заинтересованные стороны могли с полным основанием не особенно вдаваться в это различие. Словом, нужные люди в Англии стали получать испанские деньги. Мендоса также усердно собирал информацию с помощью английской католической эмиграции. В 1586, 1587 и 1588 гг. Филипп II получил от Мендосы первостепенной важности сведения о силах английского флота и передвижении кораблей, о строительстве новых судов и т. д. Правда, эта информация не всегда была точной, а порой успевала устареть, пока попадала в Мадрид. Мендоса организовал и засылку своих агентов в Лондон, где они всегда находили друзей, облегчавших им добывание сведений. Полученные известия часто пересылались и через французского посла в Лондоне, и другими путями. Заимел Мендоса и постоянных агентов во многих портовых городах.

К этому времени относится измена английского посла в Париже лорда Стаффорда. Дон Мендоса получил от Филиппа II разрешение подкупить Стаффорда, дав ему «2 тыс. крон или брильянты». Стаффорд оставался на своем посту, хотя его связи с испанцами не удалось сохранить в абсолютной тайне. Какие-то сведения просачивались. В 1587 г. Филипп II узнал, что Лонгле, французский посол в Мадриде, был осведомлен о свиданиях Стаффорда с Мендосой. Из Мадрида полетел приказ Мендосе более строго соблюдать секретность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.